

Грег Кинг
Сью Вулманс
**Первая мировая. Убийство,
развязавшее войну**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6888650

Первая мировая. Убийство, развязавшее войну: АСТ; М.; 2014

ISBN 978-5-17-080052-0

Аннотация

Книга «Убийство, развязавшее войну» вновь обращает читателя к событиям 1914 г., когда две пули, выпущенные сербским националистом Гаврило Принципом в Сараево, унесли жизни Франца Фердинанда и Софии Хотек. С того рокового дня прошел уже целый век. Какое другое событие, кажущееся случайным, на протяжении последнего столетия так повлияло на нашу современность? Эти две пули не только положили конец жизням Франца Фердинанда и Софии: они стали катализатором мировой войны и всех ужасов, которые вместе с ней последовали. Если бы не было Сараево, произошли бы русская революция, Вторая мировая война и «холодная война»?

Содержание

Благодарности	4
Примечание автора	7
Введение	8
Глава I	20
Глава II	28
Глава III	37
Глава IV	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сью Вулманс, Грег Кинг Первая мировая. Убийство, развязавшее войну

Благодарности

Мы благодарны разрешению Ее Величества королевы Елизаветы II на публикацию материалов из Королевского архива. Мы также хотели бы поблагодарить архивариуса Королевского архива Памелу Кларк (*Pamela Clarke*) и ее сотрудников за их помощь и хорошее чувство юмора; Лизу Хайвэй (*Lisa Heighway*) – хранителя фотографий Королевской коллекции, терпеливо отвечавшей на все наши запросы.

Его Светлость Георг, герцог Гогенберг, милостиво предоставил нам возможность доступа к архиву *Nachlass Erzherzog Franz Ferdinand* в Австрийском государственном архиве в Вене, который включает в себя письма и документы его деда, эрцгерцога Франца Фердинанда. Мы также благодарим Его Высочество принца Альбрехта Гогенберга за то, что он поделился с нами воспоминаниями о своей семье.

Ее Высочество принцесса Анита Гогенберг любезно дала нам интервью и предоставила неограниченный доступ к Музею эрцгерцога Франца Фердинанда в Артштеттене и разрешила нам использовать материалы из своего личного архива. Мы искренне ценим ее помощь в работе над этой книгой. Мы также должны поблагодарить и сотрудницу музея Бриджит Э. Ледвейн (*Brigitte E. Leidwein*) за ее консультации, терпеливые ответы на наши вопросы и поиск архивных материалов.

Постоянную поддержку и помощь мы получали от Ее Высочества принцессы Софи Гогенберг и ее мужа барона Жана-Луи де Потеста (*Jean-Louis de Potesta*). Принцесса Софи оказалась неутомимым сторонником идеи этой книги и щедро делилась с нами знаниями о своей семье. Мы очень благодарны им, и эта книга, несомненно, была бы беднее без проявленной ими щедрости и неизменной заинтересованности.

Неоценимый вклад внес австрийский ученый по эпохе Франца Фердинанда профессор д-р Владимир Айхельбург (*Wladimir Aichelburg*). Он щедро делился с нами своими знаниями и прояснил многие моменты, которые могли бы без его участия привести к ошибкам в книге. Мы выражаем ему глубочайшую нашу признательность.

В ходе нашего исследования и написания этой книги нам помогали очень многие люди. Карен Рот (*Karen Roth*) потратила многие часы на перевод для нас материалов для книги и стала лучшим другом авторов, она заслужила нашу искреннюю благодарность. Джанет Эштон (*Janet Ashton*) предоставила нам важные исследовательские материалы, а ее резкие критические замечания очень помогли нам. Мы очень ценим все мысли, которыми она с нами поделилась, чтобы сделать эту книгу лучше. Пенни Уилсон (*Penny Wilson*) прочитала рукопись книги несколько раз и внесла ряд важных правок, благодаря которым общая идея книги не ушла далеко в сторону, особенно в тех местах, где приводились излишние подробности. Джаннин Эванс (*Jeannine Evans*) также читала рукопись и внесла полезные коррективы и поделилась ценными замечаниями. Хочется отдельно выделить Марка Андерсона (*Mark Andersen*), у которого мы консультировались по многим неясным моментам и благодаря которому наше исследование стало более полным. Его дружба по-настоящему ценна. И хочется сказать спасибо Х. Майку Пайлсу за его бескорыстную помощь при завершении работы над книгой.

Наш агент Дори Симмондс (*Dorie Simmonds*) с увлечением ухватился за идею этой книги и поддерживал нас на протяжении длительного и порой непростого периода ее создания. Чарльз Спайсер (*Charles Spicer*), наш издатель из *St. Martin's Press*, твердо верил в эту книгу и помогал нам довести ее до конца. Эйприл Осборн (*April Osborn*), помощник редактора из *St. Martin's Press*, направляла рукопись к завершению и терпеливо разбиралась с возникающими вопросами.

Множество людей поделились с нами важными архивными документами, частными материалами и терпеливо отвечали на наши вопросы в ходе написания этой книги. Мы выражаем благодарность профессору Фрэнсису Рою Бриджу (*Francis Roy Bridge*); Милене Курралл (*Milena Currall*) из архива Брезно (бывшего земельного владения Гогенбергов *Grosspriessen*), в Чешской Республике; Фрэнсису Даймонду (*Frances Dimond*) из Королевского архива Виндзора; доктору Сюзанне Гласс (*Susanne Glass*), журналистке ARD по Австрии и Юго-Востоной Европе (*ARD-Korrespondentin für Österreich und Südosteuropa*); доктору Кристофу Гатчеку (*Christoph Hatschek*), директору Венского военно-исторического музея; Дебби Хопкинсон (*Debbie Hopkinson*) из отдела рукописей и особых коллекций Ноттингемского университета; Гарету Хьюзу (*Gareth Hughes*), управляющему Портландской коллекции; Алистеру Хатчинсону (*Alastair Hutchinson*) из юридического бюро Хатчинсона; барону Виктору Кучина фон Шванбургу (*Viktor Kuchina von Schwanburg*); Альберту Кноллу (*Albert Knoll*) из архива Дахау; Рикардо Матеоса Сайнс де Медрано (*Ricardo Mateos Sainz de Medrano*); профессору Илане Миллер (*Ilana Miller*) из Университета Пеппердина, Калифорния; профессору Полу Миллеру (*Paul Miller*) и Марии Кюри (*Marie Curie*) из Бирмингемского университета; Шимону Позимски (*Szymon Pozimski*) из колледжа Сент-Питера, Оксфорд; профессору Джону Ролу (*John Röhl*); Яну Шапиро (*Ian Shapiro*) из *Argyll Etkin*; Ёржи Смитке (*Jirí Smítka*), руководителю отдела семейных архивов Государственного областного архива, Прага; д-ру Артуру Стогманну (*Arthur Stögmann*), архив и библиотека Княжеской коллекции, Лихтенштейн; *Fürstliche Sammlungen Art Service GmbH & Co OG*; Стивену Салливану (*Stephen Sullivan*), библиотечному консультанту, Уорксопская библиотека, Ноттингемшир; Ричарду Торнтону (*Richard Thornton*), *Royal Weekend*, Тисхерст, Сассекс; Ульрику Польницкому (*Ulrike Polnitzky*) и персоналу Архива визуальной информации, Австрийская национальная библиотека.

Мы ценим помощь и поддержку сотрудников публичных библиотек Бекслихета и Уэллинга; отдельная благодарность – Елене Кларк (*Elena Clark*). Мы благодарим сотрудников Британской библиотеки и секции периодической печати Колиндейла; персонал библиотек *Suzzallo* и *Allen* университета Вашингтона в Сиэтле и сотрудников публичной библиотеки Эверетт.

Многие жители Сараево оказывали нам всяческую поддержку в ходе нашего исследования. Хотелось бы отдельно отметить Зинаиду Иларию (*Zenaida Ilaria*) и Саню Хреля (*Sanja Hrelja*) из агентства *ZPR Agency* в Сараево; Нермину Летиц (*Nermina Letic*); Авдио Мирсад (*Avdio Mirsad*) из *Muzejski Sarajctisik*; д-ра Ивана Удовичича (*Ivan Udovicic*), директора Галереи искусств Боснии и Герцеговины, Сараево.

Мы также выражаем большую благодарность за поддержку, энтузиазм и понимание нашим друзьям и коллегам – это: Боб Ачисон (*Bob Achison*); Аннет Баккер (*Annet Bakker*), владелица книжного магазина из Нидерландов; Диана и Ник де Курси (*Diana and Nick de Courcy*), Ирландия; профессор Джо Фурманн (*Joe Fuhrmann*); Филипп Гудман (*Philip Goodman*); Корин Холл (*Coryne Hall*); Дорис Холлоуэй (*Doris Holloway*); Поль Куликовский (*Paul Kulikovsky*); Джо Литтл (*Joe Little*) из *Majesty Magazine*; Джеки Лиис (*Jackie Lees*); Фрэнк и Катрина Леннокс-Миллард (*Frank and Katrina Lennox-Millard*); Диана Мандаке (*Diana Mandache*); Джудит Маркуисс (*Judith Marquiss*); Сюзанна Месланс (*Susanne Meslans*); Роб Мошейн (*Rob Moshein*); Кэрол Маллиндер (*Carol Mullinder*); Робин Олсен

(*Robin Olsen*); Ховард Прайс (*Howard Price*); Стелла Рамсден (*Stella Ramsden*); Тед Росваль (*Ted Rosvall*) из *Rosvall Royal Books*; Тони Рот (*Tony Roth*); Дебра Тейт (*Debra Tate*); Кристоф Вахаудес (*Christophe Vachaudes*); Марианна Тиринк (*Marianne Teerink*); Мэй Вах Юн (*Mei Wah Yung*); Мэнди Вонг (*Mandy Wong*) и Джон Уимблс (*John Wimbles*).

Сью Вулманс выражает свою признательность коллегам по работе, это замечательные специалисты: Джайлс Аспен (*Giles Aspen*), Салли Брабен (*Sally Braben*), Хелен Кук (*Helen Cook*), Найджел Дикс (*Nigel Dix*), Шерил Габриэль (*Cheryl Gabriel*), Стив Гринвуд (*Steve Greenwood*), Гэйл Гордон (*Gayl Gordon*), Колин Грант (*Colin Grant*), Эмма Харт (*Emma Harth*), Сара Хокли (*Sarah Hockley*), Вик Кент (*Vic Kent*), Джейн Лоуренс (*Jane Lawrence*), Хелен Ли (*Helen Lee*), Марк Лоуэн (*Mark Lowen*), Джеки Маргерум (*Jackie Margerum*), Боб Нетлесс (*Bob Nettles*), Джо Парсонс (*Jo Parsons*), Пит Ролингс (*Pete Rawlings*), Дэйв Робинсон (*Dave Robinson*), Майк Шервуд (*Mike Sherwood*) и Тони Уорд (*Tony Ward*).

Традиционно Грег Кинг благодарит своих родителей Роджера и Елену Кинг (*Roger and Helena King*) за их постоянную поддержку и веру. И последнее, но не менее важное – Сью Вулманс благодарит своего мужа Майка Вулманса (*Mike Woolmans*) за его долготерпение. Его игнорировали, морили голодом, и он был совсем позаброшен в процессе написания книги. А в свой медовый месяц он был обманом затянута в посещение дворцов Габсбургов! Но он бесконечно поддерживал нас обоих. Он заслужил мою благодарность и любовь!

Грег Кинг, Сью Вулманс, август 2012 г.

Примечание автора

В этой книге читатели могут столкнуться с некоторыми необычными и непривычными понятиями и определениями. В 1863–1875 гг. Франц Фердинанд был известен как эрцгерцог Австро-Венгрии Франц Фердинанд; после 1875 г. он стал эрцгерцогом Францем Фердинандом д'Эсте (последняя часть имени добавилась как наследство от герцога Модены). После 1896 г. он известен также по эпитету «*Thronfolger*», или «Наследник престола». Франц Фердинанд никогда не был наследным принцем (*Kronprinz* (нем.) – кронпринц. – *Прим. пер.*).

Также особого внимания заслуживают многочисленные изменения в титулах Софии на протяжении всей этой книги. Урожденная графиня София Хотек (*Sophie Chotek*) после брака в 1900 г. с Францем Фердинандом получила титул принцессы Гогенберг (*Fürstin von Hohenberg*) в стиле *Fürstliche Gnaden*; это обращение не эквивалентно обращению к королевской особе «Ваше Высочество», но, скорее, соответствует английскому аналогу обращения «Ваша Светлость». Эти титул и форма обращения перешли к ее потомкам. 8 июня 1905 г. император Франц Иосиф пожаловал Софии и ее детям титул «Ваша Светлость» («*Ihre Durchlaucht*»), который возвысил их из простых аристократов до нижнего ранга королевской семьи. В 1909 г. София была возведена в ранг герцогини Гогенберг (*Herzogin von Hohenberg*) с соответствующим этому титулу обращением «Ваше Высочество» («*Ihre Hoheit*»). В Австрии герцогиня занимала более высокое положение в табели о рангах, чем принцесса, а титул «*Ihre Hoheit*», или «Ваше Высочество», указывал на более высокое положение в королевской семье, чем титул «*Fürstliche Gnaden*» («Ваше Величество»), которого София удостоилась после своей свадьбы.

Император Карл пожаловал старшему сыну Максу наследственный титул герцога Гогенберга (*Herzog von Hohenberg*) с титулами принца и принцессы для его детей. В 1917 г. он также удостоил Макса королевского обращения «Ваше Высочество» («*Ihre Hoheit*»). Таким образом, среди австрийской наследственной аристократии возник новый герцогский дом Гогенбергов. После революции 1918 г. новая Австрийская Республика лишила всех аристократов их прежних титулов. Для сохранения точности на страницах этой книги мы использовали соответствующие дворянские титулы. Например, Георг, старший внук Франца Фердинанда, именуется как Георг, герцог Гогенберг, хотя формально Австрийским государством этот титул не признается. Мы сделали так вместо того, чтобы использовать курьезные и замысловатые эпитеты, что представляется нам вполне разумным.

В названиях мы применяли немецкие наименования мест, которые были при жизни Франца Фердинанда и Софии. Например, для замка в Чехии – Конопишт (*Konopischt*), а не Конопиште (*Konopište*), которое употребляют в современной Чехии. Там, где это особенно важно, мы приводим в скобках современное географическое название.

Денежные величины приводятся в их современном эквиваленте. До 1892 г. в Австро-Венгрии использовались гульден; когда в стране был принят золотой стандарт, на смену гульденам пришли кроны. Один гульден был равен 2 кронам. Курс императорской кроны в течение тех лет, что рассматриваются на страницах этой книги, колебался, но в среднем равнялся \$4–6 (2014 г.). Пересчет исторических ценностей на современные деньги нельзя считать очень точным, мы остановились на средних значениях, приняв, что в цифрах 2014 г. 1 гульден равен \$10, а 1 крона составляет \$5.

Введение

«Когда-то, давным-давно...» – так начинается эта сказка. Предприимчивый молодой принц, наследник трона своей страны, был очарован бедной молодой леди, чьи грация и красота покорили его сердце. Безнадежно попав к ней в плен, он выступает против воли своей семьи, которая считает его избранницу непригодной на место будущей королевы. Мелодрама «Вопреки всему» успешно развивается, и принц женится на своей возлюбленной. Возникшая идиллия двух юных сердец подвергается критическому суду, сплетники осуждают их поступки, циничный мир игнорирует и искажает их личные мотивы и стремления, за которые они так благородно сражались.

История любви эрцгерцога Австро-Венгрии Франца Фердинанда и графини Софии Хотек начинается втайне, торжествует в победе создания семьи и продолжает развиваться на фоне непроходящих невзгод. Во многом это, несомненно, отражение мифических элементов сказочной истории. Франц Фердинанд, очаровательный принц, рожденный для власти и славы, ищет запретной любви; графиня София Хотек – его Золушка, красивая, небогатая и, по мнению большинства, не совсем подходящий вариант для будущего правителя великой империи. Мачеха Франца Фердинанда, эрцгерцогиня Мария Тереза, выступает в роли доброй феи, поддерживая их роман перед лицом оппозиции Габсбургов; воинственно настроенная эрцгерцогиня Изабелла воплощает в себе злую мачеху, использующую труд Золушки для монотонной и унижительной работы. В принце Альфреде де Монтенуово (*Alfred de Montenuovo*), верховном лорде-камергере императорского двора, мы видим великана-людоеда, доставляющего мелкие неприятности изящной и решительной Софии. И как в любой хорошей сказке, герои обретают свое счастье, неверующая публика видит, как запретный роман становится явью.

Но реальная жизнь неожиданно разрушила эту воплотившуюся сказку летом 1914 г. Две пули, выпущенные девятнадцатилетним сербским националистом Гаврило Принципом (*Gavrilo Princip*) в Сараево, зачеркнули для Франца Фердинанда и Софии Хотек тот хеппи-энд, что обычно обещают нам романтические истории. «Объединившись в браке, они разделили одну судьбу» – гласила надпись на их саркофаге из белого мрамора. Вместе в смерти, как и в жизни, эта самая известная австрийская пара ушла в прошлое, как и иприт, позиционная война, пулеметы и подводные лодки того благополучного мира, который они знали.

С того рокового дня в Сараево прошел уже целый век. Какое другое событие, кажущееся случайным, на протяжении последнего столетия так повлияло на нашу современность? Эти две пули не только положили конец жизням Франца Фердинанда и Софии – они стали катализатором мировой войны и всех ужасов, которые вместе с ней последовали. Если бы не было Сараево, произошла бы русская революция, появились бы Советский Союз и нацистская Германия, случилась бы Вторая мировая война и холодная война? Эта пара смертей, произошедшая в воскресенье 1914 г., повлияла на всю мировую историю.

Почему же образы Франца Фердинанда и Софии предстают нам такими неуловимыми? Почему их личная жизнь и подлинные характеры остаются в тени? Возможно, это произошло благодаря самим Габсбургам. Франц Фердинанд происходил из гордой династии с богатым историческим наследием, которой не хватает гламура и скандала, как династии Романовых из загадочной России. Революция пришла в Россию вместе с кровавой местью; в Австрии Габсбурги ушли во мрак изгнания, никого об этом громко не оповестив. Романтическая ностальгия пронизывает историю Николая II, последнего царя, и его жены Александры. Но преданность, любовь и трагизм конца их австрийских современников даже превошли их печальное убийство.

Надо сказать, что эрцгерцог Франц Фердинанд не очень подходил под образ сказочного принца: он был болен туберкулезом, отличался вспыльчивым, тяжелым характером и немногие любили его. При жизни он оставался загадочной личностью. Некоторые более молодые и менее консервативные люди и те, кто знал его более близко, отзывались об эрцгерцоге как о вдумчивом человеке с живым умом, способном выслушивать разные точки зрения. Францу Фердинанду было уже достаточно лет, чтобы думать и о стране, которую ему предстояло унаследовать, и о возможных путях разрешения многих существующих проблем, а не цепляться за пережитки традиции, как делал его дядя император Франц Иосиф. Он был полон решимости пойти на радикальные и драматические реформы. В силу своих склонностей Франц Фердинанд не был либералом, но он был достаточно умен, чтобы понимать идеи политической модернизации, необходимой для древней и разрушающейся империи. По мнению многих, если кто и мог спасти архаическую Австро-Венгерскую монархию, то это был эрцгерцог.

Но большинство современников были не так щедры, когда речь заходила о таинственном эрцгерцоге. Многие рассматривают его как удивительно жестокого, злого человека, «узкого мировоззрения», как жалуется одна принцесса, «с подозрительным, раздражительным и капризным характером», «фанатичной набожности» и с «агрессивным и фанатичным клерикализмом». Люди перешептывались, что, оказавшись на троне, он будет притеснять религиозные и этнические меньшинства и начнет двигаться назад в том мрачном направлении, что называется не иначе, как тирания. В значительной степени именно такой приговор ему вынесла история. Часто говорится, что Франц Фердинанд был человеком авторитарных склонностей, с милитаристскими призывами к войне, «реакционером», клоуном без личного обаяния, лишенным каких-либо положительных человеческих эмоций.

Все были поражены, когда этот отстраненный и суровый человек показал, что способен на настоящую любовь. Графиня София вела свое происхождение из известнейшего чешского аристократического рода. Она могла быть красивой и очаровательной, но императорский двор был одержим традициями и этикетом, и ее титул и происхождение не были достаточными, чтобы обеспечить равный брак с таким «недостижимым» существом, как эрцгерцог императорской династии Габсбургов. В один прекрасный день он должен был стать императором Австрии и королем Венгрии; она никогда не смогла бы разделить с ним престол из-за, как выразился Франц Фердинанд, «какой-то мелочи в ее генеалогическом древе».

Принцы и короли, как правило, находили способ обойти свои любовные затруднения. Николай II настоял на своей женитьбе на столь неподходящей для брака Александре; король Эдуард VIII был одержим разведенной американкой Уоллис Симпсон (*Wallis Simpson*), и даже дядя эрцгерцога, император Франц Иосиф не обратил внимания на предубеждения его матери, женившись на незрелой и меланхоличной кузине Елизавете. Страсть, как правило, торжествует. В королевских любовных романах осторожность всегда идет рука об руку со страстью: несхожесть характеров или темпераментов сделала многие возможные браки несостоявшимися. Не так это было в случае с Софией. Причина выступления Габсбургской монархии против брака Франца Фердинанда и Софии Хотек была такой же монументальной, как и традиционной. Это были не сомнения в ее характере или поведении; императорский двор считал ее предков, которые на протяжении веков преданно служили Габсбургам, недостаточно знатными. Кризис королевских династий, распространившийся по всей Европе, заставил признать многие аристократические фамилии как равные королевским, если речь заходила о браке. Но это оказалось не так в случае с Хотеками. Они могли быть достаточно знатным родом, но недостаточно достойными, чтобы приблизиться к королевскому кругу.

И хотя эта «мелочь» встала на его пути, Франц Фердинанд сумел выстоять, не поддавшись ни мольбам, ни драматическим угрозам самоубийства. Когда же он наконец получил

разрешение жениться на своей графине, оказалось, что победа досталось ему чудовищной ценой. Брак был признан как морганатический, а София считалась неравной мужу. Она никогда не смогла бы разделить титулы ее мужа или его трон, а их дети должны были бы быть отстранены от наследования престола империи. Она даже не имела бы права быть похороненной вместе со своим мужем в фамильной венской крипте Габсбургов как не соответствующая ему по положению даже в смерти.

Такие обиды и несправедливость, а их было много за эти годы, принесли Софии чувство симпатии в широких слоях общества. Но в других кругах, включая членов императорской фамилии и Габсбургов, против нее плелись интриги и создавался образ властной и честолюбивой женщины, мечтающей в один прекрасный день примерить императорскую корону. Говорили, что на все решения эрцгерцога оказывает влияние «подстрекание его надменной жены», а знаменитая писательница Ребекка Уэст (*Rebecca West*) язвительно отзывалась о ней как об «ограниченной фурии», одержимой идеей, чтобы ее морганатических сыновей признали наследниками престола.

Истина несколько в другом. Если Франц Фердинанд и был действительно таким резким человеком на людях и у него не было желания или способностей производить хорошее впечатление на своих подданных, то в личной жизни он был совсем другим. А все действительные амбиции Софии, похоже, заключались только в том, чтобы делать мужа счастливым и распространять свою любовь на дом и трех своих детей, Софию, Макса и Эрнста. Трудно избежать сравнения с жизнью более известной пары – Николая II и Александры. Время постепенно так идеализировало семью последних Романовых, что это стало больше походить на фантастику. Государственные заботы ограничивали время царя на общение со своими детьми, а его жена отличаясь болезненным здоровьем, все чаще страдала от затяжных болезней и была подвержена приступам меланхолии. С другой стороны, семейная жизнь Франца Фердинанда и Софии была наполнена любовью. Те времена были эпохой нянь и интернатов, но Софию, Макса и Эрнста обожали и баловали. Они присоединялись к родителям за трапезой, присутствовали даже при приеме самых важных и почетных гостей, были избавлены от конфликтов и тревог и полностью наслаждались всеми радостями, которые дарит детство. Жизнь была спокойной, лишенной измен и семейных горестей. Но мирные дни – это было не все, что им пришлось испытать.

Сегодня, когда мы оглядываемся на годы, предшествующие 1914 г., они представляются нам в романтическом ореоле. Складывается впечатление, что это были славные годы новых открытий и царящего мира. Но в действительности все обстояло несколько иначе. Начиная с 1860 г. все крупные державы приняли участие по крайней мере в одной войне; гонка вооружений, вторжения, революции и восстания стали обычным делом. Пятьдесят лет, предшествовавших золотому лету 1914 г., были свидетелями постоянного насилия. Убийства происходили повсеместно: в 1876 г. был убит султан Турции; в 1881 г. погибли американский президент Джеймс Гарфилд и царь Александр II, в 1894 г. – президент Франции Сад Карно, в 1896 г. – шах Персии, в 1897 г. – премьер-министр Испании, в 1898 г. – императрица Австрии, в 1900 г. – король Италии Умберто, американский президент Уильям Мак-Кинли – в 1901 г., в 1903 г. – сербские король Александр и королева Драга, в 1905 г. в России – великий князь Сергей Александрович, в 1908 г. – король Португалии Карлуш и его сын, наследный принц Луиш Фелипе; 1911 г. – премьер-министр Петр Столыпин, 1913 г. – король Греции Георг. В эти «золотые» годы мира королевские особы и политики гибли от взрывов бомб, от пуль и ножей.

Кульминацией череды этих политических убийств стали события в Сараево. Пожалуй, никто не ожидал того, что произошло. Но вся Европа словно была пронизана нарастающим беспокойством и готова была вспыхнуть от одной поднесенной искры. Канцлер Германии Отто фон Бисмарк пророчески предупреждал о том, что «на Балканах одновременно про-

изошел ряд чертовски глупых событий», которые рано или поздно погрузят всю Европу в разрушительную войну. Его предсказание сбылось летом 1914 г., когда убийство Франца Фердинанда и Софии в Сараево положило начало самой беспрецедентной бойне, которую когда-либо видел мир. «Никакое другое политическое убийство в современной истории, – писал Владимир Дедиджер (*Vladimir Dedijer*), – не имело столь судьбоносных последствий».

Как в случае с любым событием, которое является толчком к изменению хода человеческой истории, тот роковой день все еще рассматривается очень неоднозначно, является поводом для националистических толкований и окружен целым роем исторических заблуждений. Франц Фердинанд, как говорят, только временами отъезжал, чтобы наблюдать маневры армии в Боснии, так что его жена могла принимать приветствия людей. Вопреки какому-либо здравому смыслу, он настаивает на посещении Сараево 28 июня: это был День св. Вита, сербский национальный праздник в память о Битве на Косовом поле в 1389 г., когда незваный иностранный захватчик, в данном случае Османская империя, был вынужден оставить завоеванные земли, а власть его над Сербией ослабла. Многие говорили, что это выглядело так, словно бы Франц Фердинанд стремился сознательно спровоцировать антиавстрийских революционеров в недавно аннексированной Боснии. Эрцгерцог, настаивала писательница Ребекка Уэст, «сам спровоцировал свою судьбу, после своего бестактного и агрессивного посещения сербского фронта во время национального праздника».

Ничто из вышесказанного не было правдой. Мифы окружали жизнь Франца Фердинанда и Софии, и так же, как и сто лет назад, они продолжают окружать и события в Сараево. Францу Фердинанду не хотелось отправляться в поездку: он неоднократно пытался избежать той неприятной обязанности, но его дядя, император Франц Иосиф, заставил его поехать. Власти Сараево вынудили эрцгерцога согласиться на визит в столь взрывоопасную дату; чиновникам на месте, в Боснии, конечно, не хватило здравого смысла, когда они планировали этот приезд. Полученные предупреждения относительно безопасности семейной пары игнорировались; потенциальная угроза возможного покушения не рассматривалась и, таким образом, безопасность не была обеспечена.

Теория заговора всегда сопутствует переломным моментам истории, от судьбы великой княжны Анастасии и смерти президента Джона Кеннеди до террористических атак 11 сентября 2001 г. И не вызывает удивления тот факт, что убийство, ставшее толчком к началу Первой мировой войны, вызывает столько противоположных оценок и спекуляций. Не утихают споры о роли пресловутой группы «Черной руки» или соучастии сербского правительства в организации убийства. Уже достаточно долго ходят слухи, что в действие был приведен подлый план, явившийся результатом заговора верхушки австро-венгерской элиты, которая хотела убрать доставлявшего столько проблем эрцгерцога и его не менее проблемную, морганатическую супругу. Без сомнения, что были и те, кто содрогался от мысли о том, что Франц Фердинанд станет императором.

Планы эрцгерцога по реорганизации империи угрожали сложившемуся консервативному укладу. Несмотря на отречение эрцгерцога, многие опасались того, что он найдет способ возложить венец на свою морганатическую супругу и сделать ее императрицей, а ее старшего сына – наследником престола. Безусловно, были и те, кто искал лишь повод, чтобы развязать войну против той постоянной угрозы, которую представляла собой Сербия: что может быть лучше, чем спровоцировать какой-нибудь инцидент в Сараево, который был бы достаточным оправданием австрийской агрессии против Белграда?

Вопреки этой пугающей версии, собственная дочь Франца Иосифа, наследная принцесса Стефания, рассматривала другие причины произошедшего. Убийство в Сараево, настаивала она, должно заставить посмотреть в сторону другой опасности. Имелось в виду обвинение в произошедшем царской России. Сербия была самым сильным союзником России на Балканах, который мог оказать помощь в планах ликвидации Австрии. Согласно этой

версии, Россия боялась того, что Франц Фердинанд, вступив на престол, объединит разрозненных южных славян под флагом Габсбургов и, таким образом, остановит экспансию Романовых на Балканах. Таковы две основные версии, активно обсуждавшиеся после событий в Сараево.

Вопросы всегда будут оставаться, но неоспоримым является шок, наступивший после того сараевского дня. В первую неделю августа 1914 г. в Европе началась война, и если Франц Фердинанд и София стали ее первыми жертвами, то их трое детей оказались первыми ее сиротами. София, Макс и Эрнст пострадали от хаоса, последовавшего за убийством их родителей. Им предстояло пройти через все бедствия и ужасы, следовавшие за этим воскресеньем 1914 г. Война и революция, потеря дома и изгнание, бегство от армий захватчиков и пытки от рук жестоких диктаторов – все это стало нежелательными спутниками прогрессивного двадцатого века. Их трагическая история – отголосок участи миллионов людей, чья жизнь совместила в себе тяжелые потери с верностью и преданной любовью.

Все эти составляющие (запретный роман, счастливая семейная жизнь, борьба против репрессивной системы, убийство и окончательный триумф над темными невзгодами) превращают историю Франца Фердинанда, Софии и их детей в современную сказку, в которой большое и малое оказали влияние на жизнь сотен миллионов людей. Многие уже рассказывали историю эрцгерцога, и есть еще больше книг, посвященных убийству в Сараево. Проблема всегда состояла в предвзятости, так как многие авторы проецировали на Франца Фердинанда, Софию и террористов, повинных в их смерти, собственное тщеславие и националистические взгляды. Достаточно сложно пробиться сквозь ложные толкования, наслоившиеся в течение столетия. «Когда я приехала в Австрию, – рассказывает правнучка Франца Фердинанда и Софии, принцесса Анита фон Гогенберг, – я была еще молодой женщиной, и эрцгерцога тогда совершенно не понимали. Сейчас его образ все еще далек от истины, но мы пытаемся это изменить». А про Софию она рассказывала так: «Она была очень земным человеком. Очень веселой и очень преданной мужу и детям. Она была очень умиротворенной, спокойной, благочестивой и довольной своей жизнью».

Прорываться сквозь устоявшиеся стереотипы всегда сложно. Было несколько попыток представить объективный образ этой пары. В частности, книга *Gordon Brook-Shepherd «Victims at Sarajevo»* 1984 г. хотя и была в значительной мере посвящена политической карьере эрцгерцога, автор попытался объективно представить и жизнь этой пары, но часто приводил на ее страницах не соответствующие правде истории. Некоторые проблески истины встречаются и во многих других работах, посвященных Францу Фердинанду и Софии, но следующие из них выводы – крайне не однозначные.

Столетняя годовщина со дня убийства в Сараево призывает по-новому взглянуть на Франца Фердинанда и Софию. В нашей книге мы постарались дать приоритет личному над политическим, воскресить взаимоотношения этой пары и показать, как они относились друг к другу и к своим детям. Это история их любовного романа и брака; это также история о том, как их воспринимали простые люди и императорский двор, как к Францу Фердинанду и Софии относились на протяжении их жизни и как эти мнения часто не соответствовали реальности. И наконец, это история о трех их детях и о том, как повлияла на их судьбы смерть родителей.

Задача понять эту пару и изложить это на страницах книги не так проста из-за удивительно малого количества достоверной информации. Мы имели возможность ознакомиться со многими неопубликованными письмами и документами эрцгерцога в Австрийском государственном архиве в Вене, в том числе с перепиской Габсбургов, но это помогло прояснить только отдельные яркие моменты его частной жизни. Франц Фердинанд был хорошим писателем, и его частная переписка с кайзером Вильгельмом II, несомненно, дает ценную информацию относительно его брака. Мы обладаем многочисленными письмами от кайзера

к эрцгерцогу, к сожалению, письма эрцгерцога, адресованные монарху, просто исчезли. И несмотря на интенсивные поиски, ни одному историку пока не удалось их найти.

Что касается личной переписки между Францем Фердинандом и Софией, во многом дело обстоит не лучше. Мы знаем, что они часто писали друг другу как в те годы, что предшествовали моменту, когда их роман стал известен общественности, так и во время длительных переговоров с семьей на разрешение брака. Несомненно, переписка могла бы предоставить уникальную возможность понять их характеры, мысли и любовные отношения. Но Макс, возможно, желая сохранить образы своих родителей в неприкосновенности, уничтожил почти все эти письма. Дочери Франца Фердинанда Софии удалось сберечь некоторые остатки этой переписки, такие как отдельные записки и открытки, но сами любовные письма, по которым можно было бы составить представление об их взаимоотношениях, к сожалению, потеряны для истории.

Большинство королевских и аристократических особ той эпохи вели в юности личные дневники: это было и средством записи происходящих событий, и, что даже более важно для людей Викторианской эпохи, средством оценить то, как проходит их жизнь. К сожалению, для истории ни Франц Фердинанд, ни София не вели регулярных дневниковых записей. Несколько раз они предпринимали такие попытки, но в итоге отказались от них. В случае с эрцгерцогом единственный реальный дневник, которому посчастливилось сохраниться, посвящен его путешествию по миру в 1892–1893 гг. Впоследствии дневник был издан в виде книги очень ограниченным тиражом. На страницах этого дневника содержится очень мало мыслей эрцгерцога личностного характера и ничего о романе с Софией, который в то время еще не начался. В свою очередь, София так и не приобрела привычку вести ежедневный дневник. Хотя она несколько раз и пыталась это сделать, но неизменно бросала, и в ее дневнике пропущены целые месяцы. Один из ее дневников, датируемый 1891 г., сохранился в семейном доме в Конопшце, Чешская Республика. К сожалению, в нем содержится только несколько обрывочных записей на французском и немецком, и со временем он также был заброшен.

Сохранились их записи, касающиеся тщательно оберегаемых личных взаимоотношений; отдельные письма и обращения к друзьям, родственникам и придворным, которые позволяют увидеть некоторые особенности характера эрцгерцога, брака и семейных отношений. Но София во многом до сих пор остается загадкой, по крайней мере в том, что касается ее чувств, надежд, радостей и разочарований. Очень немногие действительно близкие к Софии люди делились своими воспоминаниями о ней. Сохранилось совсем немного таких воспоминаний, лишенных влияния, которое оказала драма в Сараево, ведь после София была практически канонизирована. Даже их трое детей редко делились воспоминаниями о своих родителях.

В этой книге на основе архивных материалов, семейных историй, воспоминаний, статей в газетах того времени и других, порой расходящихся, источников мы попытались представить картину совместной жизни Франца Фердинанда и Софии. Порой из-за отсутствия писем и дневников изображение осталось удручающе туманным, но мы постарались избежать надуманности и излишних спекуляций. Наша история протянулась от блистательных чешских замков и венских дворцов до безжалостных ужасов фашистских концлагерей, от Викторианской эпохи до современности. Но главное в ней – хроника семьи, чьи триумфы и трагедии были не только отражением, но и причиной многих событий бурного двадцатого века.

Пролог. Вена, январь 1889 г.

Густой белый снег, кружась, падал с ночного неба по всей Вене, укрывая черепичные крыши и ложась мерцающими сугробами по краям широких бульваров. В предгорьях

Венского леса, в бассейне Дуная чинно и мирно дремали города. Сквозь ряды лип, обнаженных зимой, выстроившихся вдоль Рингштрассе (*Ringstrasse*), открывались завораживающие картины: неоготическая Ратуша, величественная Венская опера, огромные музеи с их марширующими колоннадами, тяжелый взгляд исподлобья неоклассического здания парламента, взметнувшиеся шпили кафедрального собора Св. Стефана и зеленые купола церкви Карлскирхе. Вена словно бы повисла между снежными сугробами и опаловыми небесами. Освещенная мерцающим призрачным светом фонарей, она выглядела солидно, респектабельно и властно, как и положено столице великой империи.

На протяжении веков на театральных подмостках Вены главную роль играла династия Габсбургов, доминируя во всей Европе. Их власть распространялась от Альп до теплых вод Средиземного моря, от солнечного Триеста до темных и таинственных лесов Трансильвании, Чехии и границ царской России. Как ведущий католический королевский дом Европы, Габсбурги воевали, устраивали вторжения, заключали браки, чтобы объединить княжества и провинции под яростным двуглавым орлом на их флаге. Их слава была неоспоримой. На протяжении веков Габсбурги были императорами Священной Римской империи; они представляли королей для Испании и жен для европейских монархов. Среди их знатных предков были великий император Карл V и влиятельнейшая императрица Мария Терезия.

Влияние Габсбургов пошло на убыль после того, как Наполеон прокатился по всей Европе и поверг в прах Священную Римскую империю. Шаткая конфедерация немецких государств с осколками старых традиций и остатками династического могущества, на фоне частых восстаний и волны национализма. Только сорок лет прошло после революции 1848 г., когда Габсбурги чуть не потеряли Венгрию. Восстание в Будапеште удалось подавить только при помощи русских солдат. Двадцать лет спустя венгры встали на сторону все более сильной и милитаристской Пруссии в Семинедельной войне; поражение сил Габсбургов в битве при Кениггреце положило конец австрийскому господству и дало начало созданию непростого альянса. В ходе австро-венгерского соглашения 1867 г. Австрийская империя преобразовывалась в дуалистическую монархию Австро-Венгрия. Сохраняя за собой право пересматривать условия соглашения каждые десять лет, Будапешт постоянно добивался для себя новых уступок, все больше ослабляющих Вену, и казалось, что создание венгерской автономии в будущем неизбежно.

По крайней мере Венгрия оставалась доменом Габсбургов. К 1889 г. династия потеряла Тоскану, Парму, итальянские провинции Ломбардии и Венецию. Их империя была анахронизмом, пережитком предыдущей эпохи, «династической фантастикой», как было остроумно замечено. Черно-желтый флаг Габсбургов собрал около 50 миллионов людей разных народов: австрийские немцы, венгры, цыгане, итальянцы, румыны, моравы, поляки. Эти народы не были объединены общими связями, языками и национальностями; они не испытывали никакой верности Вене и многие все более стремились вырваться на свободу, как они считали – из-под гнета Габсбургов. С каждым годом казалось, что последние остатки былой силы ускользают из рук гордых Габсбургов. Оставалась правящая семья, закостеневшая в старых традициях; ее былая слава таяла с крушением монархий, слишком частыми кровосмесительными браками и все более явной тенденцией в семье к слабхарактерности.

Во главе этой противоречивой нации стоял Франц Иосиф I, император Австрии и Апостолический король Венгрии, король Чехии, Далмации, Хорватии, Словении, Галиции и Иерусалима; эрцгерцог Австрии; великий герцог Тосканы, Кракова и Трансильвании; герцог Лотарингии, Зальцбурга и Буковины. Его череда титулов говорила больше о прошлом, чем о современных реалиях. Расцвет сил императора был уже позади: когда-то лихой и стройный красавец Франц Иосиф стал лысеющим и слегка сутулившимся человеком, с пышными седыми бакенбардами и сонными голубыми глазами. Он был единоличным правителем большинства своих подданных: люди говорили о нем как о «всемогущем существе

высшего порядка, правящем за пределами человеческого понимания». Измученный постоянными восстаниями и уязвленный потерей былой власти, Франц Иосиф отступил в мир архаичной традиции, во вселенную бесконечных балов и кондитерских сладостей, в которой он мог игнорировать незнакомую и пугающую современную эпоху. Он ездил на автомобиле только один раз, при необходимом визите к королю Эдуарду VII; в возрасте 84 лет Франц Иосиф предпочитал пешком подниматься по лестнице на седьмой этаж, нежели пользоваться подозрительным современным лифтом.

Франц Иосиф I (1830–1916) – император Австрийской империи

Идея перемен была предана анафеме. Франц Иосиф предпочитал уйти в себя, закрыться и остаться со своими старыми взглядами. «Стена предрассудков ограждала императора от любых голосов политических деятелей, способных на самостоятельное мышление», – пишет один приближенный. «Кольцо придворных, военных и врачей» охраняло Франца Иосифа от неприятных взглядов и нежелательной реальности. «Бушующие потоки жизни нашего времени едва-едва достигали слуха нашего императора, подобно отдаленному шороху. Он отстоит от какого-либо реального участия в этой жизни. Он не хочет понимать настоящее, несмотря ни на что». Сохранение старого порядка – единственное, что имело значение: неприятные идеи игнорировались, оставаясь на долю преемника Франца Иосифа. Император с готовностью углублялся в мелкую бумажную работу и бюрократические тонкости, чтобы не оказаться лицом к лицу с серьезными проблемами. Он жил в мире абсолютных взглядов. Для Франца Иосифа, говорил один придворный, «существовали только однозначные понятия. Красивый и уродливый, мертвый и живой, молодой и старый, умный и

глупый – он понимал эти понятия только по отдельности и не мог построить мост, связывающий одно с другим... Его идеи не знают нюансов».

Никто никогда не обвинял императора в излишней темпераментности. Франц Иосиф был неизменно вежливым, осторожным в словах и сдержанным. Но его манеры придворного скрывали холодный, подозрительный и нетерпимый характер. Он не любил конфронтации и не допускал, чтобы ему противоречили. Все окружающие боялись вызвать его неудовольствие. Когда будущий король Георг V посещал Вену в 1904 г., его поразило, как все придворные и члены императорской семьи «боялись императора». Неосторожное слово, забытый поклон, не застегнутая пуговица на мундире, медаль не на том месте – любой этой мелочи было достаточно, чтобы вызвать приступ его ярости. Однажды ночью у Франца Иосифа случился приступ удушья, так что он не мог дышать. Врач, спешно поднятый с постели, бросился на помощь к императору и столкнулся с его ледяным взглядом. Даже таким образом император сумел тогда выразить свое недовольство тем, что врач явился не в положенном ему по форме одежды фраке. Когда как-то раз предложили, чтобы гвардейцы, несущие службу в императорских дворцах, лишились обязанности поднимать руку, приветствуя детей Габсбургов, Франц Иосиф решительно отверг это предложение, расценив его как посягательство на достоинство Императорского дома.

В личной жизни Франц Иосиф был человеком многих глупых привычек. Его королевские комнаты отличались своеобразной спартанской роскошью. Он спал на военной кровати, но с роскошными матрасом и постельным бельем. По привычке он вставал в четыре утра и начинал работать, обедал в одиночестве, гулял после обеда и ужинал необычно рано, в половине шестого. Его одинокое существование становилось еще более одиноким из-за частого отсутствия супруги. Императрица Елизавета практически всегда отсутствовала в Вене. Две ее двоюродные сестры вышли замуж, когда баварской принцессе Елизавете было всего шестнадцать, пойдя против воли властной матери Франца Иосифа, эрцгерцогини Софии. Баварская королевская семья была очень вспыльчивой и эксцентричной, со склонностью к нервным взрывам и приступам депрессии – не лучшие качества для возможной императрицы Австрии. Но никакими разумными доводами нельзя было остановить страстно влюбленного Франца Иосифа. Захватывающий дух романтики вначале, но темнота, последовавшая потом.

Елизавета, известная в домашнем кругу как Сиси, стала символом романтической эпохи. Ее почти боготворят в Вене, хотя и не так уж сентиментально. Новая императрица была эгоистичной, незрелой молодой девушкой, которая обнаружила, что жизнь императорского двора носит неприятный и ограничивающий ее характер. Франц Иосиф был не прочь обращать внимание на женские прелести не только своей супруги, особенно после того, как его жена испытала ужас от сексуальной стороны супружеской жизни. Говорили, ужас вскоре превратился в отвращение после того, как император заразил свою жену венерической болезнью. Ощущая стыд и чувствуя, что ее предали в лучших чувствах, Елизавета вынесла своему мужу обвинительный приговор и делала все, чтобы избежать омерзительных для нее семейных обязанностей. Император, лишенный счастья в браке, несмотря на свой имидж консервативного католика, имел череду любовниц, и у него даже были внебрачные дети. Наиболее известны его отношения с актрисой Катериной Шратт, ставшей его ближайшим доверенным лицом и единственным источником эмоционального комфорта в его дальнейшей жизни.

Современники императора были менее снисходительны к Елизавете, нежели современные ее почитатели. Они презирали ее за то, что она постоянно пребывала на зарубежных курортах, так, словно бы она сама презирала свою новую родину. Одержимая идеей своей красоты, частым голоданием она довела себя до опасного состояния анорексии, погрязла в

жалости к себе и своих болезненных фантазиях, проводя дни за сочинением томов сомнительной поэзии.

Возможно, у Елизаветы и действительно были причины для бегства. Жизнь среди Габсбургов вряд ли можно было назвать сплошным кружением вальсов и улыбающихся лиц. Там случались и свои трагедии. Франц Иосиф и Елизавета потеряли свою первую дочь из-за детской болезни, и несчастья нависли над их семьей. Младший брат императора Максимилиан неразумно принял мексиканский престол и был свергнут и расстрелян. Вдова Максимилиана Шарлотта, потрясенная смертью своего мужа, скиталась по Европе, обвиняя каждого в его казни, пока наконец не была заточена в отдаленном замке. Младший брат императора Людвиг Виктор был выслан из Вены из-за слухов о его нескромном влечении к юным мужчинам и склонности примерять бальные платья. Даже Франц Иосиф находил свою семью достаточно раздражающей. Он «хорошо относился лишь к немногим из них, – вспоминал его камердинер, – он вполне справедливо считал, что многие из них действовали недопустимо». И как следствие, император «некоторых членов его семьи не хотел видеть совсем», а «некоторых других видеть как можно реже».

Потом был Рудольф, единственный сын Франца Иосифа и Елизаветы. Его рождение в 1858 г. было моментом торжества, знаменующим собой продолжение династии, но детство Рудольфа вряд ли можно назвать счастливым. Франц Иосиф был суровым отцом; казалось, что бы ни делал или говорил Рудольф – не вызывало его удовольствия. Рудольф боготворил свою мать, но Елизавета была слишком эгоистичной и меланхоличной, чтобы заниматься воспитанием своего сына. В определенном смысле Рудольф вырос сыном своей матери: он стал самоуглубленным, меланхоличным молодым человеком с пристрастием к беспорядочным половым связям и склонностью к политическим авантюрам.

Его отец попытался повлиять на жизнь сына и упорядочить ее, женив его на принцессе Стефании, дочери короля Бельгии Леопольда II. Прошел год между их помолвкой и свадьбой, когда выяснилось, что у пятнадцатилетней невесты еще не начались менструации. Рудольф был изысканным и неотразимым, Стефания же не обладала таким очарованием и женской силой, чтобы удержать своего мужа в рамках супружеской верности. Кончилось все плохо. После рождения их дочери Елизаветы в 1883 г. Стефания неожиданно заболела. По иронии судьбы Рудольф заразил ее венерическим заболеванием, так же, как произошло и у его отца с Елизаветой. Возмущенная и расстроенная тем, что она больше не сможет иметь детей, Стефания разгневалась на Рудольфа, и тот обратил свой взгляд в сторону более дружеской компании.

Рудольф был полной противоположностью своего отца. Хотя он и воображал себя талантливым политиком-интеллектуалом, но был скорее дилетантом. Он заигрывал с либеральными кругами общества, в которых его отец видел опасность, поощрял инакомыслие и взгляды, противоположные стойкому консерватизму Франца Иосифа. Положение Рудольфа было таким же тяжелым, как и всех князей: он не обладал никакой реальной властью, и ему только и оставалось, что ждать смерти своего отца. Не неся никакой ответственности, ощущая недоверие своего отца и отрицание им какой-либо роли, которую он мог бы сыграть с пользой для Австро-Венгрии, наследный принц окупился в депрессию. Болезненный и угрюмый, он погрузился в водоворот любовниц и морфина, становясь все более отчужденным для своей семьи и страдая от гонореи.

Консервативный император, закостеневший в бюрократических правилах, императрица, затворница и меланхолик, и наследный принц с подмоченной репутацией, мечущийся от одного к другому, – они образовывали триумвират, в котором надвигающаяся катастрофа скрывалась под приятной на вид поверхностью. Императорский двор января 1889 г. также отражал эту двойственность. Для стороннего наблюдателя он представлялся, как и всегда, жизнерадостным и великолепным, полным вечных вальсов и беззаботной радости. Но сто-

ило появиться государю, и двор наполнялся запахом «смерти и разложения», в застывшей вселенной проступали «архаичные лики, ссохшиеся интеллекты, дрожащие головы, изношенные пустомели».

Это был мир, неустойчиво балансирующий на традициях и консервативном этикете. Только те, кто мог похвастаться шестнадцатью щитами, разделенными на четыре поля – непрерывной чередой из восьми по отцовской и восьми по материнской линии благородных предков, были допущены к высшим постам при дворе. Правила строго соблюдались: жена посла Австрии в Германии, если ей не хватало нужного числа благородных предков, могла присутствовать при кайзеровском дворе, но не в Вене. Немало дам аристократического происхождения были вежливо, но решительно не допущены в бальные залы дворца по причине недостаточно высокого происхождения и не смогли присоединиться к кругу избранных. К должностным лицам, независимо от их ранга, если они не соответствовали требованиям знатности, относились пренебрежительно. Когда молодая племянница одного английского герцога как-то появилась на императорском балу, это вызвало протесты других гостей, так как она сама не обладала титулом, достаточным, чтобы присутствовать за дверями этого зала. Мужей просили приходить без жен, а жен без мужей, если один из супругов не был достаточно титулованным.

Венеция, рассказывает дипломат, была наполнена «весельем и легкостью», увлечена «музыкой и танцами, едой и напитками, смехом и весельем. Они с радостью лениво дрейфовали по течению жизни. Насколько много удовольствий, настолько же мало и хлопот, как это только возможно». Шутки не могли скрыть ту безжалостную настойчивость, с которой добивались аристократы своих привилегий, и исключение тех, кто считался социально недостаточно соответствующим. «Нынешнее поколение высокой аристократии, – писала венская газета *Neue Freie Presse*, – по-прежнему стремится стоять над средним классом, хотя они ничего не знают о нем... Наша аристократия стерильна и изолирована». Они проводят свои дни, говорит один из очевидцев, в мелочных занятиях, «обсуждая рождения, браки и смерти своих знакомых и друзей и высказывания и поступки членов императорской семьи. Они редко что-то читают; их знания в области искусств чрезвычайно ограничены, они не имеют абсолютно никаких общих интересов; политика остается для них закрытой книгой, за исключением тех случаев, когда она затрагивает благосостояние Австрийской империи, но даже тогда это является для них не поучительным, а лишь очередной возможностью проявить свое высокомерие».

С января 1889 г. по причине траура по отцу императрицы были отменены обычные императорские балы; вместо этого аристократическая Вена погрузилась в лицемерное и превосходно изображенное сочувствие. Вполне логично, что лишенный бальных залов город вальсов Штрауса оказался захвачен тягой к удовольствиям. Проходили торговые балы, состоялись бал домоправительниц, бал парикмахеров, бал пекарей и бал прачек – всевозможные ассоциации и организации использовали зимний сезон для разнузданного веселья. Оно достигло своего зенита в *Fourth Dimension Ball*, когда сквозь толпу двигались женщины, одетые ведьмами, а розарий был до потолка украшен мерцающими огнями.

Казалось, все наполнено радостью и счастьем. Вена все так же великолепна, как и всегда, империя надежна, а Габсбурги обозревают их с сияющих высот. Но иллюзия скрывала реальность: за картинками шоколадных тортов «Захер», уютным немецким комфортом и бесконечными вальсами Штрауса лежал другой мир, в котором Вена занимала первое место в Европе по числу самоубийств в год. Это был мир Фрейда и Малера, сексуальности и страсти, интеллектуалов и художников, укрывшихся в прокуренных кафе и делящихся своими размышлениями и тревогами, мир антисемитизма и нищих рабочих, скученно проживавших в охваченных болезнями многоквартирных домах. «Воздух наполнен недовольством, – писала одна газета с приходом нового года. – Дыхание меланхолии пропитало наше обще-

ство». И это недовольство вспыхнуло после неожиданно произошедшей трагедии, которая навсегда порвала пелену сладкого самодовольства Габсбургов.

Глава I В ТЕНИ ПРЕСТОЛА

Вдалеке от блеска заснеженной Вены худой, бледный молодой человек с водянистыми голубыми глазами продолжал наслаждаться жизнью, как и когда-то, в 1889 г. В его богато украшенных комнатах в пражском замке Градчаны он приглашал на обеды сослуживцев из 102-го чешского пехотного полка; посещал местных чиновников на их вычурных приемах и местных аристократов в их бальных залах в стиле рококо. Он ненавидел лебезящее внимание и постоянное наблюдение за его поступками, которого он удостоивался как австрийский эрцгерцог, племянник императора Франца Иосифа. Но бежать было некуда: в этой золоченой клетке благородное происхождение раздирало Франца Фердинанда привилегиями и обязанностями.

Сейчас ему было двадцать пять, светло-коричневые волосы были аккуратно подстрижены, тонкие маленькие кавалеристские усики... но Франц Фердинанд так никогда и не смог избавиться от ауры хрупкого и слабого человека, унаследованной им от своей покойной матери. Его отец, эрцгерцог Карл Людвиг, был сильным человеком, с такими же водянистыми голубыми глазами и твердым, решительным лицом, обрамленным густыми бакенбардами. Он был неизменно вежливым: внимательным, образованным и утонченным. Как говорила одна леди: «В нем не было ничего от высокомерия Габсбургов». Но любезность не могла скрыть реальности. Карла Людвига мало что интересовало за пределами искусства, религии и наук. После краткого пребывания на посту генерал-губернатора Тироля, во время которого он постоянно сталкивался с военными и политическими проблемами, Карл в конце концов удалился в частную жизнь.

Первая жена Карла Людвига, которую он нежно любил, Маргарита Саксонская, умерла в 1858 г., после двух лет брака. Второй раз он женился в 1862 г.: его супругой стала принцесса Мария Аннунциата, дочь покойного короля Обеих Сицилий Фердинанда II Неаполитанского, получившего прозвище «король-бомба» (*La Bomba*) за то, что подверг бомбардировке своих мятежных подданных. Девятнадцатилетняя, темноволосая, стройная, словно ива, результат пламенной страсти ее отца, она имела такое же хрупкое здоровье, как позднее и Маргарита. В течение года врачи диагностировали туберкулез. Ее слабые легкие заставили супружескую пару переехать в Грац, где, как она надеялась, горный воздух вылечил бы ее.

«Грац очарователен, – думал эрцгерцог, – он обладает всеми удобствами большого города, но лишен его недостатков». Здесь, в арендованном дворце Кюэнбург (*Palais Khuenburg*), пара ожидает рождения своего первого ребенка. Было четверть восьмого утра 18 декабря 1863 года, когда ребенок родился. Преподобный князь-архиепископ фон Зеккау (*Seckau*) крестил мальчика в тот же день. Мать Карла Людвига София наблюдала, как крестный отец эрцгерцог Франц Карл объявил имя ребенка: Франц Фердинанд Карл Людвиг Йозеф Мария. Первое имя – в честь австрийского деда, императора Франца I, второе – в честь его печально известного деда по материнской линии, короля Обеих Сицилий Фердинанда II Неаполитанского.

Затем последовали еще дети: Отто – в 1865 г., Фердинанд Карл – в 1868 г. и Маргарита София – в 1870 г. Детство Франца Фердинанда было непривередливым и комфортным. Семья проводила зимы в роскошном венском дворце, весну и осень – в отдаленном охотничьем домике и идиллическое лето – в замке Арштеттен, располагающемся примерно в семидесяти милях к западу от Вены, рядом со знаменитым бенедиктинским монастырем в Мельке, в долине Дуная. Но одна вещь отсутствует: Мария Аннунциата, все более больная и истощенная, может принимать минимальное участие в жизни своих детей. Опасаясь, что может

заразить сыновей и дочь, она запрещает им прикасаться к ней, целовать ее и даже вообще проводить с ней время. Став виртуальным незнакомцем в собственном доме, она живет в изоляции и слабеет с каждым годом пока наконец, смерть не настигает ее в мае 1871 г. в возрасте двадцати восьми лет.

Францу Фердинанду было всего семь лет, когда умерла его мать. Это событие не было неожиданным, и Мария Аннунциата едва ли играла важнейшую роль в жизни ее сына. Без сомнения, он скучал и оплакивал ее. Все подтверждали, что молодой эрцгерцог был погруженным в себя, любознательным и тихим мальчиком, и то, как на самом деле повлияла на него смерть матери, остается тайной. К счастью для Франца Фердинанда, его братьев и сестры, новое устойчивое влияние скоро появилось в их доме. Дважды овдовев, оставшись с четырьмя детьми, Карл Людвиг прождал всего два года, прежде чем женился в третий раз в июле 1873 г. Его новая невеста Мария Тереза была дочерью ссыльного короля Португалии Мигеля. Если Мария Аннунциата была тщедушной и замкнутой, то Мария Тереза – крепкого телосложения, веселой и красивой, с темными волосами и сверкающими глазами, что делало ее одной из самых красивых европейских принцесс. В свои восемнадцать лет она была почти на двадцать лет моложе своего мужа. Карл Людвиг был преданным, терпеливым и любящим мужем для своих первых двух жен. Но с появлением Марии Терезы, по крайней мере по слухам, что-то изменилось. Возможно, сыграла роль их разница в возрасте или тот факт, что молодые офицеры при дворе не скрывали своих восхищенных взглядов на его супругу, но эрцгерцог прошел путь от сочувствующего мужа до безжалостного ревнивца, терзающего свою жену и делающего ее жизнь часто невыносимой.

Сложно сказать, все ли было в этих историях правдой, но появление Марии Терезы не оказало драматического влияния на ее новую семью. Она не проводила различий между четырьмя детьми Карла Людвиг и ее собственными двумя дочерьми – эрцгерцогинями Марией Аннунциатой, родившейся в 1876 г., и Елизаветой, родившейся в 1878 г. Мария Тереза была всего на восемь лет старше Франца Фердинанда, но она дала ему и его братьям то, что они никогда не знали: мать. Впервые им суждено было узнать, что такое материнская любовь и ласка. Для Франца Фердинанда она была просто «мама», а он для нее – «Франци» (*Franzi*).

Молодой Франц Фердинанд нуждался во внимании. От рождения он был нежным и восприимчивым ребенком, и первые впечатления его жизни не всегда были только благоприятными. «Франци был в плохом настроении, – замечал его дядя император Франц Иосиф, когда отмечалось его трехлетие в 1866 г., – но он разговаривает очень хорошо». Все отмечали, что он был очень замкнутым и даже держался в стороне от своих братьев и сестры. Фердинанд Карл и сестры были моложе его, чтобы быть хорошими друзьями, а Отто, хотя и был младше, – затмевал своего брата, превосходя его в верховой езде и на занятиях фехтованием и отличаясь от брата жизнерадостным характером. Отто любил шумное времяпрепровождение, а Франц Фердинанд предпочитал уединенные занятия: длительные прогулки, одинокие поездки в тележке, запряженной ослом, чтение, а во второй половине дня он играл в одиночестве со своими кроликами. Охота стала его излюбленной страстью. Он проводил много часов в лесу, ожидая удобного случая, чтобы испытать свое мастерство. В возрасте девяти лет он совершил свое первое убийство, открыв счет последующим охотничьим трофеям. «Я могу себе представить, как вам хорошо!» – писал его кузен, кронпринц Рудольф.

Даже получение образования не предоставляло Францу Фердинанду возможности выбраться из своей скорлупы. Как и многие другие принцы, его занятия проходили в школьной комнате в замке, предметы вели специально приглашаемые преподаватели, и у него не было шансов встречаться с другими мальчиками, а строгий режим длился с утра до вечера, шесть дней в неделю, за исключением редких праздников. Граф Фердинанд Дегенфельд (*Ferdinand Degenfeld*), лишенный воображения бывший армейский офицер, руково-

дил занятиями непростой учебной программы, по таким предметам, как арифметика, немецкий, грамматика, география, история, литература и религия.

Не удивительно, что эрцгерцог, находясь в семье консервативных, католических Габсбургов, получил такое же традиционное, консервативное образование. Высказывались реакционные взгляды, а противоположные точки зрения подавлялись. Профессор Отто Клоп (*Otto Klopp*), который преподавал своему ученику уроки истории, отличался близорукостью и нетерпимостью. Либеральная политика, опасности современной мысли и мрачные предупреждения о росте прусской угрозы, представляющей опасность для божественной миссии Габсбургской монархии, являлись отличительными чертами этих уроков. Клопа так волновало, что противоречивые идеи могли повлиять на его ученика, что он даже лично переписал для юного эрцгерцога учебники по истории, чтобы удалить нежелательные и пагубные политические понятия.

Религиозное обучение только усиливало этот подход. Готфрид Маршалл (*Gottfried Marschall*), священник семьи Карла Людвиг, вел уроки по истории католической церкви и доктрине. Хотя он часто и описывается как человек либеральных наклонностей, но в действительности Маршалл был глубоко консервативным. В его лекциях подчеркивались религиозные обязанности молодого эрцгерцога, которые ему придется на себя принять в качестве члена католической семьи Габсбургов. Сам Франц Фердинанд только упрощал его задачу: даже в юности он был необычайно благочестивым, увлекался церковными ритуалами и мог часами стоять в тени дворцовой церкви, впитывая атмосферу чарующей мистики. Личная предрасположенность и лекции Маршалла оставили свой след. Душевные поиски Франца Фердинанда привели его к религии: его твердая католическая вера давала ему ответы на все важные философские вопросы, и он не видел причин сомневаться в учении и мудрости церкви. Однако он был во многом свободен от религиозной нетерпимости. Слишком многие люди, как думал Франц Фердинанд, были неискренни в своей вере. Те, кто исповедовал свою религию с искренностью и благочестием, всегда вызывали его восхищение. «В конце концов, именно это является важным, – озвучил он однажды это свое отношение, – а являются ли эти люди христианами или мусульманами – имеет гораздо меньшее значение».

Немецкий был основным языком для любого эрцгерцога Габсбурга, но были и уроки французского, английского, чешского и венгерского языков. Но большая часть усилий Франца Фердинанда в их изучении пропала даром. «Ему было свойственно отсутствие каких-либо талантов к языкам», – писал один министр правительства. Он владел французским достаточно хорошо, но его английский оставался расплывчатым и невнятным. Временами он начинал неплохо на нем говорить, но тут же спотыкался и неловко подбирал слова. Крайне сложный венгерский язык давался ему тяжелее всего. Франц Фердинанд брал уроки венгерского языка всю свою жизнь, но так и не смог на нем нормально говорить.

Гимнастика, верховая езда, плавание, фехтование, танцы занимали вторую половину дня; вечером Карл Людвиг давал ему уроки истории искусств и приглашал изобретателей, писателей, поэтов, музыкантов и ученых с познавательными лекциями. Позднее были уроки военной истории, военно-морские маневры, архитектура и инженерное дело; будущий австрийский премьер-министр Макс Владимир Бек преподавал гражданское и конституционное право. В обучении не пренебрегали ничем, но результат получался неоднозначным. Образование сделало Франца Фердинанда всесторонне развитым молодым человеком, со знаниями во многих областях, но с истинным пониманием лишь нескольких. Он презирал арифметику и литературу, наслаждался историей и больше всего обожал свое непродолжительное изучение архитектуры. Репетиторы регулярно жаловались на то, что им приходится постоянно возвращаться назад, что у эрцгерцога не хватает концентрации, он постоянно пребывает в своих мыслях, вместо того чтобы сосредотачиваться на занятиях. Возможно, часть вины в этом лежит на самой достаточно бездарной системе обучения. Впрочем, никто

никогда не сулил Францу Фердинанду будущее ученого. Его дни были настолько заполнены разнообразными лекциями, что «все превращалось в одну мешанину». В результате он «научился всему и ничего не знал».

Казалось, что судьба Франца Фердинанда предопределена с самого рождения: образование, карьера в армии и, возможно, некоторые церемониальные обязанности от лица императора. Шанс, что он когда-либо вступит на престол, был очень небольшим. В конце концов его дядя Франц Иосиф был еще жив; его двоюродный брат наследный принц Рудольф еще не женился и при нахождении подходящей супруги у него будет наследник; и собственный отец Франца Фердинанда, Карл Людвиг, тоже стоял перед ним в очереди на престол империи. Образование Франца Фердинанда даже и не предполагало такой возможности. Его жизнь обещала быть приятной и комфортной, посвященной повышению престижа династии Габсбургов, с небольшим числом возможностей для личных интересов и выбора собственного пути, который был бы далек от предписанного традицией.

Но неожиданная возможность изменения такого порядка вещей пришла, когда Францу Фердинанду исполнилось двенадцать. Находящийся в изгнании герцог Франц V Моденский (*Franz V of Modena*), эрцгерцог Австрии-Эсте, умер, не оставив наследников. По своему 500-страничному завещанию герцог оставлял большое состояние и многочисленные имения тому наследнику из рода Габсбургов, кто присоединит титул Эсте к своим и продолжит эту линию. Карл Людвиг посчитал, что поскольку его сын стоит далеко внизу по линии наследования престола, то изменение его имени не будет иметь решающего значения, и предложил Франца Фердинанда на роль наследника. Молодой эрцгерцог не был в восторге от добавления титула «Эсте» к своему имени, хотя это и представлялось лишь небольшим неудобством. В конце концов это был итальянский титул, и он поделился со своей мачехой своим предубеждением против страны, которая еще не так давно объединила свои территории за счет земель Габсбургов. Позднее он открыто выступал против титула эрцгерцога Австрии-Эсте, чувствуя, что итальянское название будет его выделять как иностранца в среде Габсбургов. Еще больше его беспокоило другое условие: чтобы получить наследство, ему нужно было овладеть практическими знаниями итальянского языка в течение года. Будучи не особо талантливым лингвистом, он отчаянно сражался с итальянским, пока не приобрел достаточный уровень его знания, чтобы удовлетворить будущих экзаменаторов.

Юный Франц Фердинанд стал теперь, по крайней мере теоретически, одним из богатейших эрцгерцогов. Его наследство в Эсте включало в себя знаменитую виллу д'Эсте эпохи Ренессанса недалеко от Рима, замок XVI в. Кастильо де Катайо (*Castillo de Catajo*) в окрестностях Падуи, дворец Моденских (*Modena Palais*) в Вене, поместье Хлумец (*Chlumetz*) в Богемии и другое имущество, наряду с обширной коллекцией оружия, доспехов и художественных ценностей. Все это представлялось очень многообещающим, но, как выяснилось позднее, другие условия этого 500-страничного завещания связывали Францу Фердинанду руки. Неоспоримые активы перевешивались финансовыми обязательствами. Ничто из завещанного имущества не могло быть продано, и годовые расходы на содержание родственников в Эсте, пенсии для слуг и содержание работников превышали любой возможный доход, который он мог бы получать.

По крайней мере после окончания формального обучения Франца Фердинанда хотя бы военные науки принесли ему награду. В 1878 г., когда император сделал своего племянника почетным лейтенантом пехотного полка, Франц Фердинанд был вне себя от счастья. Присвоение почетного армейского звания дало свои результаты в 1883 г., когда он получил звание лейтенанта 4-го кавалерийского драгунского полка императора Фердинанда, расквартированного в Энсе. «Я офицер телом и душой, – с гордостью говорил он. – На мой взгляд, во всем мире эта профессия самая благородная и возвышенная». И эрцгерцог начал отсекал все лишнее, считая карьеру военного единственно приемлемой для себя.

Вступление в армию ознаменовало собой значительный поворот в прежней, беззаботной жизни эрцгерцога. Франц Фердинанд был осторожен во всем, что он делал. Это был урок, которому его учили с самого рождения: будучи принцем, ему следовало избегать влияния тех, кто хотел получить от него личную выгоду или пытаться лестью завоевать его дружбу в личных целях. Он должен был быть приветливым, но не фамильярным, честным, но не простодушным. Все его поступки отражались на репутации семейной династии: ошибки и незначительные упущения, допустимые для простых офицеров, для эрцгерцога Габсбурга могли стать тяжким грехом против императора.

По своему темпераменту и склонностям Франц Фердинанд не принадлежал к тем веселым беззаботным молодым людям, которые легко могли скатиться вниз, попав в дурное окружение. Хотя ему было действительно хорошо в армии, он представлялся окружающим отчужденным и нетерпимым. Товарищи-офицеры расценивали его застенчивость как раздутое самомнение, а необщительность трактовали как презрение. Имея мало возможностей общения с другими людьми, Франц Фердинанд так никогда и не научился скрывать свои чувства; вспышки гнева, которые могли восприниматься в семейном кругу смешными, в глазах тех, кто рассчитывал на благосклонность Габсбургов, выглядели по-настоящему страшными. Эрцгерцог ненавидел притворство и никогда не пытался завоевать себе товарищей. Это одно из самых часто встречаемых обвинений эрцгерцога. Францу Фердинанду не хватало одной вещи, наиболее ценившейся в Австрии: обаяния.

Молодой эрцгерцог присоединялся к своим товарищам за шумными ужинами и выпивкой, но не мог отказаться от своей природной сдержанности. Однако не стоит отказывать ему в некотором снисхождении. Франц Фердинанд был не особенно красив: худощавый, лопоухий, с тяжелыми набухшими веками, словно бы он был на грани бодрствования и сна. Юный, привилегированный, впервые оказавшийся вне присмотра воспитателей, он столкнулся лицом к лицу с незнакомым миром с его искушениями. И еще его младший брат Отто показал себя настоящим адептом в наслаждении самыми разнообразными жизненными соблазнами.

Отто всегда отличался жизнелюбием и страстной тягой к удовольствиям. В отличие от сдержанного и спокойного Франца Фердинанда Отто был шутником. Однажды он написал на открытке с изображением моряка своему брату: «О-ла-ла от матроса!» Люди называли его «красавчик Отто», и всеобщее внимание вскружило ему голову. У него были некоторые садистские наклонности, и его «поведение было темой для городских сплетен». Многие слухи про Отто были явно сомнительной достоверности. Он якобы лишал животных возможности пить на несколько дней, а потом давал им воду, позволяя пить избыточно и умирать в муках; или что он привязал раздетого солдата к воздухонагревателю и наблюдал, как его кожа покрывается волдырями. Даже рассказывали о том, что однажды Отто убил военного курсанта, заставив того лить себе бренди в горло до тех пор, пока тот не умер от алкогольного отравления.

Франц Фердинанд не поддавался таким порокам, хотя по молодости также порой вел разгульную жизнь. Он танцевал, пил и охотился со своим братом и товарищами-офицерами. Наряду с публичными выходками были и приключения более интимного характера. Франц Фердинанд однажды выразил довольно сомнительное восхищение физическими прелестями актрисы Мицци Каспар, женщины, которая разделяла постель с его кузеном Рудольфом, а некоторые певицы и танцовщицы скорее всего познакомили его с тайнами секса.

2 июля 1885 г. женщина по имени Мэри Жонке (*Mary Jonke*) родила мальчика, которого назвали Генрихом. Она утверждала, что Франц Фердинанд был его отцом, и в апреле следующего года пыталась подать в местный районный суд на эрцгерцога. После некоторых переговоров Франц Фердинанд согласился выплатить ей около 15 000 гульденов (около \$150 000 в пересчете на 2014 г.), чтобы прекратить все дальнейшие претензии. 29 августа 1889

г. двадцатидвухлетняя Мэри Хэн (*Marie Hahn*), служащая из пражского магазина одежды, родила сына, которого она назвала Курт. Как и Жонке, она также настаивала на том, что Франц Фердинанд был его отцом. Придворный выслушал ее претензии и дал совет Хэн, что если она подаст дело в суд, то только потеряет; деньги Габсбургов купили ее молчание.

Появление внебрачных детей у Габсбургов едва ли можно было назвать скандальной новостью: они были даже у императора Франца Иосифа. В случае с Францем Фердинандом ни одно из таких утверждений не было когда-либо доказано. Возможно, эти женщины действительно имели отношения с Францем Фердинандом. Но независимо от того, были ли эти обвинения правдой или нет, Франц Фердинанд не мог рисковать и доводить дело до подачи иска на отцовство в суд. Но эти слухи, ходившие по Вене, только усилили негативные стереотипы о нем. Несколько неожиданным стало то, что кузен Франца Фердинанда Рудольф, несмотря на собственную репутацию в этом вопросе, неожиданно пришел ему на помощь. Наследный принц знал слишком хорошо, как быстро распространяются слухи среди императорского двора и как они формируют людское мнение. Франц Иосиф, будучи сам уже не при дворе, тем не менее, казалось, был в курсе всех самых последних семейных скандалов и на собственном опыте знал, как быстро пузыри сплетен раздуваются в обвинения. В надежде спасти своего кузена от подобной судьбы Рудольф предостерег Франца Фердинанда от того, чтобы проводить слишком много времени вне своего полка и чрезмерно предаваться удовольствиям. Он сказал, что «нужно наслаждаться своим здоровьем в полном объеме, но всегда в меру и с умом». Эрцгерцогу не следует «отправляться на конную прогулку или на охоту слишком рано», так как это может повернуть расположение императора против него. Временами Франц Фердинанд даже начинал протестовать. «Вы должны признать, что с Отто и со мной обходятся несправедливо, – пожаловался он Рудольфу в 1888 г. – Как только видят, что мы отправляемся на охоту или какие-нибудь никчемные танцы, так сразу крик негодования поднимается на всю Вену, на весь Двор, а в армейском кругу нам ставят в вину уклонение от нашего долга».

Еще больше предупреждений приходило от эрцгерцога Альбрехта, пожилого педанта императорской армии. Альбрехт искренне любил Рудольфа и был убежден, что общение с Францем Фердинандом не принесет тому ничего хорошего. Рудольф постоянно сетовал на «беда и несчастья, через которые я должен пройти вместе с ним», и если Франц Фердинанд не будет осторожен, он столкнется с таким же увещанием. Нельзя сказать, чтобы Франц Фердинанд что-то предпринимал, получив очередное оскорбительное письмо Альбрехта. Альбрехт жаловался на то, что Франц Фердинанд был слишком отстранен с некоторыми пожилыми джентльменами и слишком приветлив с молодыми женщинами. Не имело значения, что делал эрцгерцог: все его действия представлялись неправильными. Франц Фердинанд старался не обращать на все это внимания, продолжать свое приятное времяпровождение, лишённое пока рутины и обязательств, ожидавших его в обозримом будущем.

Но будущее резко изменилось утром 30 января 1889 г. Попытки достучаться в запертую дверь спальни охотничьего домика Рудольфа в Майерлинге не принесли успеха. Никому не хотелось устраивать сцен: Рудольф должен был быть там со своей последней любовницей, молодой и глупой баронессой Марией Вечера (*Mary Vetsera*). После нескольких часов продолжающегося молчания взволнованные слуги сломали дверь. Вечера лежала на матраце, одинокая красная роза была зажата в ее холодных руках, в ее голове зияла рана; с другой стороны кровати на запятнанных кровью простынях лежало тело Рудольфа, из его рта сочилась кровь, а верхнюю часть головы словно бы срезало. В совместном акте самоубийства он убил ее первой, просидел с ее телом несколько часов и наконец всадил пулю в свой собственный мозг.

В Майерлинге разыгралась ужасная мелодрама, сцена реальной жизни словно бы из плохого романа, абсолютно недопустимая и возможная скорее для буржуа. Самоубийство

кронпринца, католика и Габсбурга, повергло императорский двор в панику. Слухи, ложь и самые невероятные истории распространялись в тщетном усилии скрыть нелицеприятную правду, которую Вене в итоге все же пришлось признать. Смерть Рудольфа была последним пунктом в плане его мести: это был не просто акт отчаяния и депрессии, но и выражение его несбывшихся мечтаний, и ответ на холодное отношение непреклонного отца, который не видел для него никакой роли и не давал ни малейшего намека надеяться на другое. Перед самым самоубийством Рудольф написал письма матери, жене и сестре, в которых объяснял свой поступок. Но ни одной строчки не было отправлено его отдалившемуся отцу.

Все люди были в шоке, но, пожалуй, никто больше, чем Франц Фердинанд. Получив во второй половине дня срочную телеграмму с трагическим известием, он разорвал ее в клочья. Он уехал в Вену и прошел холодными, горестными улицами за траурным кортежем, с каждым шагом все больше осознавая, что его жизнь изменилась навсегда. Как-то раз, несколько лет назад, Рудольф, указывая на подходящего Франца Фердинанда, пошутил: «Человек, идущий к нам, станет императором Австрии». Тогда это казалось абсурдным, но теперь Рудольф был мертв; дочь покойного кронпринца Елизавета могла претендовать на престол только в том случае, если не было больше никаких Габсбургов мужского пола. Теперь между Францом Фердинандом и тронном стоял только его отец, Карл Людвиг.

При всех своих пороках благодаря своему легкому характеру и либеральным взглядам Рудольф был популярной фигурой. Люди мало знали Франца Фердинанда. В популярности он проигрывал не только Рудольфу, но и своему беспутному брату Отто. Вплоть до самой Вены Франц Фердинанд представлялся «серьезным, строгим, почти мрачным». Сплетни рисовали его недалеким, консервативным и религиозным фанатиком, а его возможное восшествие на престол расценивалось как зловещий сигнал для всей Австро-Венгрии.

Похороны стали тяжелым испытанием для императора. Скорбя о потере своего сына, Франц Иосиф был вынужден взглянуть фактам в лицо и принять человека, который после произошедшей трагедии займет место его наследника. Дядя и племянник никогда не были близки, и они никогда не понимали друг друга. Франц Иосиф был консервативным и приверженным традициям человеком. Таким же, по крайней мере в это время, был и Франц Фердинанд, но дядя подозревал его в противоположном. Он считал, что Франц Фердинанд тайно вынашивает опасные либеральные идеи; это был иррациональный страх, основывающийся на более чем сомнительных слухах и дружбе Франца Фердинанда с Рудольфом, к сожалению, теперь покойным. Не в силах преодолеть свои личные пристрастия, император просто перенес свое разочарование Рудольфом и на жизнь Франца Фердинанда. Однако являясь бастионом традиции, Франц Иосиф преклонился перед судьбой. В конце концов Карлу Людвигу было уже почти шестьдесят, и, даже если он и переживет своего старшего брата на несколько лет, его царствование не будет долгим. И было неизбежно, что Франц Фердинанд в один прекрасный день, а возможно даже, что и в скором времени, взойдет на престол. Ходили даже слухи, что Карл Людвиг пытался отстраниться от правопреемственности престола, так что понятны тревоги Франца Иосифа относительно характера и политических пристрастий его племянника.

Встреча между дядей и племянником носила кратковременный и напряженный характер, и у Франца Фердинанда сложилось четкое впечатление, что император опосредованно обвиняет его в том, что Рудольф покончил жизнь самоубийством. «Это выглядело так, словно бы нелепость Майерлинга была моей виной, – жаловался он в одном разговоре. – Раньше он никогда не общался со мной так холодно. Казалось, что один его взгляд пробуждал во мне неприятные воспоминания». По крайней мере по правилам, если не фактически, Франц Фердинанд должен был быть признан наследником престола, но Франц Иосиф отказался это сделать. Создавалось такое впечатление, словно бы племянник виновен в смерти его сына, и такое признание было для императора слишком большой уступкой и слишком

болезненной раной. «Я пока не знаю, – говорил Франц Фердинанд, – стал я наследником или нет».

Франц Иосиф также остался не в восторге от прошедшей встречи. Он жаловался, что на протяжении всей беседы его племянник «выглядел очень бледным и, пожалуй, страдает от хронического кашля». Франц Фердинанд не внушает доверия. «Я не могу быть о нем высокого мнения, – признавался Франц Иосиф. – Даже и не стоит сравнивать его с Рудольфом. Он *совсем* другой». Насколько отличались эти двое молодых людей, сейчас уже никто не сможет сказать. Время проявит сильные и слабые стороны Франца Фердинанда еще явственнее, чем кровь, связавшая обоих братьев: оба злополучных наследника Франца Иосифа преждевременно пали от пули.

Глава II ПУТЕШЕСТВИЕ И БОЛЕЗНИ

Крайности, бывшие привилегией юности Франца Фердинанда, сменились на более созерцательный и ответственный характер после Майерлинга. Он сокращает количество своих охот и легкомысленных выходок, как и участие в необузданных удовольствиях столь любимого брата Отто. Ходили разговоры о его любовнице, юной особе по имени Мила Куглер (*Mila Kugler*), якобы жившей в апартаментах на территории принадлежавшего Францу Фердинанду дворца Моденских (*Modena Palais*) в Вене. Эти слухи способствовали появлению новых предостережений от проницательного старого эрцгерцога Альбрехта. Он настаивал, что Франц Фердинанд не должен следовать примеру «бедного Рудольфа», но вместо этого жить в соответствии со своим будущим званием.

Франц Фердинанд (1863–1914) – эрцгерцог Австрийский

Альбрехту не стоило волноваться. Франц Фердинанд вернулся в армию, был произведен в полковники и назначен командующим 9-м гусарским полком, расквартированным в Оденбурге (ныне Шопрон). Два года, проведенные им там, навсегда сформировали его отношение к венграм. Немецкий был официальным языком императорской армии; эрцгерцога было потрясло то, что венгерские офицеры игнорировали приказ и отдавали распоряжения на мадьярском. Но если чешский солдат осмеливался вымолвить хоть слово на своем родном

языке, венгры безжалостно избивали его. Будапешт, по мнению Франца Фердинанда, являл собой опасный очаг национализма, призывающего к восстанию против Габсбургов. «Мы постоянно питались мифами, – сетовал он, – о многих честных и верных людях, которые населяют Венгрию. Я больше не верю в это».

Плохое состояние здоровья и беспокойство избавили Франца Фердинанда от Венгрии. В 1892 г., страдая слабыми легкими и принимая в расчет свои будущие обязанности, эрцгерцог загорелся идеей путешествия вокруг света. Это избавило бы его от морозной европейской зимы, а также расширило его кругозор. Франц Иосиф вовсе не был уверен в том, что эта авантюра достаточно благоразумна: он считал, что можно будет отлично справиться со своими обязанностями на троне и без такого далекого путешествия. Но Франц Фердинанд знал, что может обратиться к человеку, который отнесется к нему с большим сочувствием: его тете, императрице Елизавете. Она, прожившая всю жизнь на материке, поняла, что ее племянник хочет посмотреть мир. Она ходатайствовала за него перед императором и в конце концов добилась разрешения.

Королевские принцы и аристократы часто заканчивали период своего обучения таким путешествием, но лишь немногие из них были так стремительны, как Франц Фердинанд. Его тяга практически в буквальном смысле понесла его в путешествие вокруг света с такой скоростью, как ни одного австрийского эрцгерцога до него. Его отъезд 15 декабря 1892 г. на борту бронированного крейсера *Kaiserin Elisabeth* прошел на редкость эмоционально. Вся его семья собралась проводить его: это было первое Рождество, которое Франц Фердинанд проведет вдали от них. Он смотрел, как удаляется вдаль береговая линия, с внезапно захватившим его переживанием. «Откуда-то из глубины меня, – признается он в своем дневнике, который будет старательно заполнять на протяжении всего путешествия, – пришло неприятное чувство бесконечной тоски по родине... это была тоска по родине, которой я раньше не знал». Нельзя сказать, что он отправился в свое путешествие в одиночку: с ним была значительная свита из слуг, телохранителей, обслуживающего персонала и поваров, среди которых был даже таксидермист. Вместе с ним в круиз отправился и его кузен, эрцгерцог Леопольд Фердинанд. Они хотели создать ему в путешествии все возможные удобства и оградить от опасностей, сгладить любые дипломатические колкости и развлекать молодого человека на протяжении всего путешествия.

Из Триеста они доплыли до Далматинского побережья, ненадолго остановились в Египте перед отплытием в Индию. Надеясь избежать нежелательного внимания, Франц Фердинанд использовал имя «граф фон Гогенберг» в большей части поездки, хотя и не мог избежать посольств и посещений официальных лиц, которые наносили ему визиты с церемониальными протоколами приветствия. Посещение им Британской Индии вызывало сильную озабоченность в Лондоне. Будущий царь Николай II посещал экзотическую страну в предыдущем году, и этот принесший беспокойство визит рассматривался как неумышленный проступок. Только после личного вмешательства принца Уэльского и десятка писем между Калькуттой и Лондоном он был удостоен соответствующего приема со стороны британского вице-короля.

Недостаточное знание английского мешало Францу Фердинанду во время нахождения в этом аванпосту британского колониализма. Должностные лица считали его «внимательным и приветливым», отмечая его стремление «обходиться без церемоний настолько, насколько это только возможно». Он посетил Агру и знаменитый Тадж-Махал и остался, по-видимому, глубоко впечатлен этим памятником любви, оставляя о себе очень хорошее впечатление, где бы ни бывал. «Он обладает прекрасными манерами, – сообщал вице-король лорд Робертс, – но он совершенно естественен, приветлив и внимателен со всеми, с кем общается во время своих поездок, будь то европейцы или местные жители».

Как и другие аристократы, оказавшиеся в Индии, Франц Фердинанд охотился на тигров, пантер и кабанов. Ему нравилось это намного больше, чем нудные торжественные обеды, которые он часто вынужден был терпеть. Хотя эрцгерцог чудом избежал трагедии на Цейлоне, когда на охоте слон чуть не наступил на него. Он продолжил охотиться и в диких местах Австралии, а быстро изготовленные чучела добытых им кенгуру и эму были отправлены обратно в Австрию на корабле.

Но охота не могла больше скрывать проблему, растущую на борту корабля. Эрцгерцог и его двоюродный брат Леопольд, отмечал адмирал Миклош Хорти (*Miklós Horthy*), «были людьми совершенно разных темпераментов», так что беда была неминуема, если они путешествовали вместе. Леопольд открыто признавал, что он и Франц Фердинанд «уже давно ненавидят друг друга». Мелодраматичный, подверженный сомнительным полетам фантазии, Леопольд считал своего двоюродного брата «невежей», человеком, «начисто лишенным даже малейших проблесков чувствительности и тонких порывов души». Каждую ночь, рассказывал он, Франц Фердинанд напивался, кричал, что он рад, что Рудольф убил себя, называл императора «глупым старикашкой» и рассуждал о том, как он может «заставить старикашку уйти с пути». Не желая больше мириться с подобными сценами, Леопольд потребовал перевода на другое судно.

Это была версия Леопольда, высказанная им уже много лет спустя после смерти кузена; истина была совсем другой. Претензии о пьяных ссорах лишь маскировали проблемы, существовавшие в отношениях между двумя мужчинами, и были гораздо глубже простого личного конфликта. Леопольд использовал свое положение эрцгерцога Габсбургов с воинственной заносчивостью и снобизмом, высокомерно отказавшись ужинать вместе со своими товарищами-офицерами. Будучи несчастным на борту корабля, он не пропускал дня, чтобы громко не высказать надежду, что корабль потонет и это освободит его от исполнения служебных обязанностей. Еще хуже было увлечение Леопольда привлекательными молодыми матросами. Хотя он вообще не общался с офицерами, у него не было таких предубеждений относительно простых членов экипажа; как-то раз он провел много времени, запершись у себя с одним особенно красивым кадетом. Чтобы избежать в дальнейшем скандала, Франц Фердинанд высадил Леопольда с судна в Сиднее.

Когда эта неприятная ситуация осталась позади, Франц Фердинанд предпринял путешествие в Гонконг, а потом в Японию, встретился с императором Страны восходящего солнца и позировал фотографам в кимоно. На снимках видно, что он не совсем здоров. 26 августа он покинул Иокогаму на борту белоснежного лайнера *Canadian Pacific Empress of China*, направляясь в Северную Америку. Это была серьезная перемена после австрийского военного корабля: эрцгерцог вращался среди обычных пассажиров первого класса, играл на палубе в теннис с леди, с которой он свел знакомство, и жаловался на то, что только американские девушки осмеливались танцевать с ним ночью.

Первое свое впечатление о Северной Америке эрцгерцог получил 5 сентября, когда судно причалило в Ванкувере. Молодая женщина, стремящаяся увидеть такое экзотическое существо, как наследник европейского трона, пробилась на судно с криками: «Принц! Принц! Где здесь принц?!» Он отправился на юг, в штат Вашингтон, 19 сентября посетил Спокан только для того, чтобы увидеть, как поезд окружила толпа взволнованных молодых женщин, надеющихся на встречу с ним. Как ни странно, город показался ему странно интригующим, словно бы заброшенным и опустевшим, напоминающим отдаленную азиатскую деревню, но прежде чем изучить его, он уже оказался в частном пульмановском спальном вагоне, направляющемся на восток. Прошедший среди скал поезд доставил его в Йеллоустон. Вестибюль отеля *Hot Springs Hotel* был заполнен любопытными ковбоями, сплевывающими табачную жвачку, жаловался Франц Фердинанд. Он направился на осмотр знаменитого гейзера Олд-Фейтфул, но оказался раздосадованным тем, что рейнджеры запретили ему

поохотиться на охраняемой территории национального парка. Расстроенный Франц Фердинанд смог добавить в свою охотничью коллекцию только скунса, дикобраза и несколько белок.

Когда поезд Франца Фердинанда прибыл в Омаху, его атаковали репортеры. Они толкались и выкрикивали вопросы, протягивая к нему руки, — это стало для эрцгерцога новым опытом, оставившим его сильно недовольным. Он прибыл в Чикаго и, по сообщению местной газеты, получил удовольствие от сытного завтрака, состоявшего из «разнообразных фруктов, бифштекса, яичницы с ветчиной, дичи и вин, включая шампанское». Город показался ему грязным и скучным, а когда он посетил Всемирную Колумбовскую выставку (*World's Columbian Exposition*), стал раздраженным от толкучки и большого количества людей. Но во время встречи с группой операторов эрцгерцог ловко скрывал свое недовольство. Похоже, что его английский улучшился за время путешествия, газета *Chicago Tribune* сообщала, что он говорил «на отличном английском». Эрцгерцог сообщил репортеру: «Я пробыл на выставке сравнительно недолго... и смог увидеть не так много. Но то, что я увидел, мне очень понравилось, и мне жаль, что я не остался на более продолжительное время, чтобы посмотреть больше».

После осмотра Ниагарского водопада эрцгерцог отправился в Нью-Йорк. Он прибыл как «обычный, простой человек, без торжественных фанфар», сообщала газета *New York Herald Tribune*. Он обедал в знаменитом ресторане *Delmonico's Restaurant* и часто посещал театр, но нашел этот город даже еще более шумным и удручающим, чем Чикаго. Где бы он ни оказывался, казалось, что все американцы озабочены только «всемогущим долларом». Более того, он был неприятно удивлен тем фактом, что в такой большой и процветающей стране, казалось, не существовало механизмов для оказания помощи бедным. «Для рабочего класса, — писал он, — свобода — это свобода умереть с голоду». После девяти месяцев и около 50 000 пройденных миль французский лайнер наконец вернул Франца Фердинанда к знакомым берегам Европы. Вместе с ним прибыли тридцать семь ящиков с упакованными охотничьими трофеями, оружием из Полинезии, снегоступами из Скалистых гор, предметами народных ремесел американских индейцев, декоративными куклами из Японии и резным азиатским нефритом.

Путешествие убедило Франца Фердинанда в двух вещах. Он понял, что Австрии нужен более сильный флот. Великобритания завоевала большую часть мира с помощью своих военно-морских сил; хотя он и не питал таких устремлений, эрцгерцог думал, что современный флот по крайней мере поможет Австрии в случае любого иностранного вмешательства на территории ее прибрежных провинций. И, несмотря на его неоднозначные чувства по поводу Америки, Франц Фердинанд видел в этой стране возможную модель для своей будущей империи. Союз государств с федеральным устройством, объединенных единой централизованной властью, по его мнению, мог быть тем, что стоило предложить Австро-Венгрии различным народам с их национальной индивидуальностью, проживающим на ее территории.

Периодическая и бульварная пресса занимала своих читателей сообщениями об иностранных приключениях эрцгерцога. Еще больше интересных подробностей удалось узнать, после того как Франц Фердинанд опубликовал дневник своего путешествия, воспользовавшись помощью своего бывшего наставника, Макса Владимира Бека. Вышедшие книги отличались эмоциональным повествованием и хорошим литературным стилем. По мнению многих людей, эта манера изложения была совершенно не свойственна тому холодному Францу Фердинанду, которого они знали, — так что истинное авторство многими было ошибочно приписано Беку. Изначально эрцгерцог не хотел публиковать свои записи, и сомнения людей в авторстве книг вызвали его искреннее возмущение. «Люди, — с горечью писал он, — почему-то считают, что каждый эрцгерцог должен быть простоватым дурачком».

Когда эмоциональное возбуждение после поездки улеглось, эрцгерцог вернулся в армию. На этот раз он сумел избежать Венгрии, заняв пост генерал-майора и приняв командование над 38-й пехотной бригадой в Будвайзе (*Budweis*) (ныне Ческе-Будеёвице) в Богемии. Францу Фердинанду был уже тридцать один год. Он стал более циничным, более раздражительным и открыто высказывал неприязнь, тщательно скрывая сентиментальность за строгостью. Случающиеся порой вспышки гнева и жесткость в поведении привели к появлению для него среди друзей прозвища Огр. Он не был таким страшным, как можно подумать по его прозвищу, но действительно становился безжалостным, когда сталкивался с некомпетентностью. Узнав, что полковой оркестр проигнорировал похороны молодого капрала ради местного праздника, он вспыхнул от гнева. «Бедный капрал отправился в свой последний путь без музыки только ради того, чтобы было немного больше музыкантов для крестьянского танца! – кричал он на командира. – Это полный позор!» Вскоре наказанный офицер подал прошение об отставке.

Но и в Богемии, как до этого в Венгрии, эрцгерцог стал жертвой своего неблагополучного состояния здоровья. Бледный, резко исхудавший и кашляющий кровью, Франц Фердинанд неохотно согласился на визит доктора летом 1895 г. Виктор Айзенменгер (*Victor Eisenmenger*), молодой врач венской клиники *Schrötter Clinic*, достаточно быстро диагностировал туберкулез легких, хотя и тщательно хранил страшную новость от своего нового пациента. Айзенменгер пытался защитить эрцгерцога от болезни, которая убила его мать. Когда Айзенменгер предложил Францу Фердинанду уйти на вынужденный отдых, камергер эрцгерцога граф Лев Вурмбранд (*Leo Wurmbrand*) язвительно заметил: «Это будет очень сложно. Эрцгерцог привык к определенному образу жизни, который совершенно противоположен тому, что вы ему предлагаете. Вряд ли его удастся удержать больше, чем на день. Я не спал в своей постели уже две недели, все время в поезде».

Чтобы форсировать события, потребовалось вмешательство императора. «Я должен обратить ваше внимание на тот непреложный факт, что вашим священным долгом является сейчас заняться своим здоровьем, – писал он своему племяннику. – Вам надлежит уехать в тихое место в горах, и так быстро, насколько это возможно, и вести там спокойную жизнь... и прежде всего следуйте инструкциям вашего лечащего доктора буквально и до последней детали. Это единственный способ улучшить ваше здоровье, и я надеюсь, хотя бы ради меня, что вы проявите немного терпения и настойчивости, пусть даже ваша жизнь будет достаточно однообразной».

Франц Фердинанд с неохотой согласился с императрицей, чтобы ему возвели дом в отдаленном уголке Доломитовых Альп, где, как он надеялся, горный воздух поможет ему вылечить слабые легкие. Эрцгерцог нашел, что принудительный отдых достаточно труден. Неусидчивый по натуре, он коротал свои дни в стрельбе по ветвям рядом стоящих деревьев и игрой со своим маленьким фокстерьером Муки. «Никто не сможет выдержать такое, – пожаловался он в конце концов. – Вы посадили меня под замок, подобно дикому животному». Столкнувшись с таким неусидчивым пациентом, Айзенменгеру пришлось в итоге сказать эрцгерцогу правду о его туберкулезе. Помрачневший Франц Фердинанд ничего не ответил, но его отец Карл Людвиг, приехавший тогда повидать сына, был не таким сдержанным. «Мой сын, – невесело поделился он с Айзенменгером, – никогда не поправится».

Эрцгерцогиня Мария Тереза убеждала Айзенменгера быть более энергичным и категоричным в своих рекомендациях пациенту, тонко демонстрируя, как это можно делать: «Франци, слишком ветрено. Надень свое пальто», «В этой комнате слишком накурено», «В такой холод ты не должен выходить на улицу ночью». Эрцгерцог всегда слушался, но Айзенменгер не имел над ним такой власти, как Мария Тереза. Думая, что, возможно, удастся добиться большего успеха в других условиях, он предложил провести продолжительный

отдых в Египте, что позволило бы эрцгерцогу переключиться и оказаться в более теплом и сухом климате.

Неприятности последовали, как только Франц Фердинанд прибыл в Каир. «Я нуждаюсь в покое», – признавался эрцгерцог и просил избавить его от приемов и торжественных встреч. Но как только он прибыл в отель *Gezireh*, он увидел в холле посла Австрии графа Хайдлера фон Эггерегга (*Heidler von Eggeregg*) в окружении работников посольства, готовых к торжественной встрече. Франц Фердинанд промчался через холл и скрылся в своих покоях, отказавшись выходить. «Я намеренно повел себя так плохо, – признавался он, – чтобы показать, что никто не сможет меня заставить делать то, что я не хочу!» Граф пришел в ярость и говорил о том, что эрцгерцог должен доказать своим поведением, что достоин трона. Он отомстил несколько недель спустя, во время воскресной мессы. Франц Фердинанд попросил, чтобы его посадили вместе со всеми собравшимися. Но граф проигнорировал его просьбу и посадил его на возвышении в передней части собора, где эрцгерцог оказался на всеобщем обозрении на протяжении всей службы. Это было то, что эрцгерцог ненавидел больше всего. «Я не могу вынести, когда люди глазеют на меня!» – жаловался Франц Фердинанд.

После прогулок по музеям, посещения пирамид и совершения покупок на каирском базаре эрцгерцог взял в аренду лодку для совершения путешествия по Нилу. На первых порах это принесло приятную смену декораций: широкое и спокойное течение реки, нищие дети, собирающие прибрежный камыш, луна, поднимающаяся над древними монументами. На борту судна проходили даже выступления группы танцовщиц, хотя Франца Фердинанда это и не забавляло. Со временем его лодка стала для него похожей на тюрьму. «Если бы кто-нибудь знал, как я страдал от одиночества на борту этого орудия пытки XIX века! – писал он своей мачехе. – Нельзя описать словами, как я скучал по вам все это долгое время... А теперь я целую ваши руки и безумно жду вашего прибытия, которое спасет меня от этого бреда сумасшедшего!»

Его состояние постепенно улучшилось, хотя эрцгерцог порядком уже устал от своей болезни. Он совершил путешествие в Ривьеру, где завел дружбу с больным туберкулезом великим князем Георгием Александровичем, братом царя Николая II. Он был очень удивлен тем, что Георгий мог делать все, что ему вздумается, в то время как его жизнь находилась под контролем Айзенменгера. «Он ходит в казино, в театр и на балы, – жаловался он Айзенменгеру, – в то время как я живу фактически под замком. Я не буду больше подчиняться!» Но заботами Айзенменгера Франц Фердинанд был фактически спасен, в то время как великий князь в конце концов умер, однако эрцгерцог видел только негативные стороны своей изоляции. Газетная вырезка из будапештской газеты, попавшая к нему в руки, ничем не улучшила его настроения. В статье сообщалось, что эрцгерцог серьезно болен; если он умрет – венгерские борцы за свободу будут счастливы. «Для меня это является решительно непонятным, – писал он в гневе. – И такое возможно только в Венгрии, когда одной из самых читаемых газет страны, в которой еще правит монархия, разрешается на своих страницах печатать такой унижительный текст, позорящий Правящий Дом». Это событие лишь еще больше укрепило его предубеждение к своим будущим венгерским подданным.

В мае 1896 г. медицинская ссылка уступила место семейной необходимости. Карл Людвиг со своей семьей после посещения Франца Фердинанда в Египте предпринял путешествие в Палестину. Там, игнорируя предупреждения и находясь, по всей видимости, в религиозном экстазе, он пьет воду из реки Иордан; в Вену он возвращается уже больным тифом. Сообщение от мачехи заставило Франца Фердинанда срочно сесть на экспресс, идущий домой, но, прежде чем он добрался до Вены, пришло известие, что его отец скончался. Смерть отца в сочетании с болезнью и напряженной обстановкой в Вене чуть не

сломили Франца Фердинанда. Опасаясь рецидива, императрица поспешила отослать эрцгерцога подальше от столицы, чтобы продолжить его лечение.

Черeda событий, произошедших в Вене во время его отсутствия, окончательно укрепила нелюбовь Франца Фердинанда к императорскому двору в целом и в частности к принцу Альфреду де Монтенуово (*Alfred de Montenuovo*), императорскому обергофмейстеру и лорду верховному камергеру. Лежал ли в основе дальнейших событий непредсказуемый темперамент эрцгерцога? Или опасения людей, видевших в эрцгерцоге или опасного либерала, который стремился разрушить старый порядок, или фанатичного реакционера, представлявшего опасность стабильности трона? Или причиной стали болезни эрцгерцога, побудившие многих списать его со счетов? В случае последнего варианта эрцгерцог предполагал, что его «враги при дворе и в политике», пользуясь его заболеванием, хотели «изолировать его» и «сделать его импотентом». Монтенуово, думал Айзенменгер, с радостью воспримет «самые жесткие меры» и уже видит эрцгерцога «среди мертвых». Он объединился вместе с министром иностранных дел графом Агенором Голуховским (*Agenor Goluchowski*) в попытке устранения Франца Фердинанда и возведения на престол его младшего брата Отто.

Идея была абсурдной. К 1896 г. Отто признавался всеми как самый бесчестный из эрцгерцогов Дома Габсбургов, «один из самых страшных живущих людей», – утверждал один аристократ. После его брака без любви на принцессе Марии Йозефе (*Maria Josepha*), дочери короля Саксонии Георга, Отто был крайне неверным супругом и даже не пытался скрывать факты посещения борделей и соблазнения женщин по всей столице. Франц Иосиф отказался вмешиваться. Он всегда отдавал предпочтение Отто перед холодным Францем Фердинандом и прощал поведение своего племянника, говоря, что это не более чем «юношеские глупости».

В Хофбурге Франц Фердинанд имел лишь несколько небольших комнат; Голуховский уговаривал императора, чтобы отдать Отто огромный дворец Аугартен, чья внушительная резиденция хорошо подходила для возможного наследника престола. Франц Фердинанд игнорировался, а Отто получил дом и личных слуг. Франц Фердинанд оставался в тени, а Отто выполнял общественные обязанности от имени императора и даже принимал официальные отчеты министров правительства. В 1896 г., когда царь Николай II и его жена приехали с официальным государственным визитом в Вену, Франц Фердинанд был демонстративно исключен из списка лиц, допущенных на императорские приемы и ужин; в следующем году для ответного визита в Санкт-Петербург Франц Иосиф взял с собой вместо Франца Фердинанда Отто.

Такие публичные оскорбления не остались в Вене незамеченными. Слухи утверждали, что Франц Фердинанд будет скоро исключен из престолонаследования, а популярные газеты говорили, что он едва цеплялся за жизнь. Все это, настаивал он, делалось для того, чтобы «похоронить его заживо». Франц Фердинанд жаловался графине Норе Фуггер: «Вы должны понять, что в этой жалкой и унижительной ситуации, в которой я оказался как наследник престола, находящийся, так сказать, на оплачиваемом отпуске, я не хочу показываться в Вене и чего-то там добиваться. Кажется невероятным, что Голуховский и его последователи, считающие, что действуют ради какого-то высшего блага, оскорбляют меня, отдаляют меня и просто убивают меня морально». Он не обвинял слабохарактерного Отто, но вымещал свой гнев на стоящих за ним чиновниках. «Я больше не берусь в расчет и просто игнорируюсь. Если бы они хотя бы спросили меня, как я отнесусь к тому, что обязанности, которые я не могу выполнять из-за своей болезни, будут возложены на моего брата Отто, – я бы так не расстраивался. Но все решается за моей спиной и так, словно бы я уже умер».

Вопреки ожиданиям и даже надеждам, Франц Фердинанд поправлялся. Болезнь все больше отступала, худоба проходила, грудь стала широкой и мускулистой, лицо перестало быть бледным и вытянутым. Когда эрцгерцог посетил Лондон в 1897 г., на шестидесятилет-

ний юбилей королевы Виктории, герцогиня Эдинбургская отмечала, что «он превратился в упитанного, здорового человека». В марте 1898 г. венские газеты сообщили, что Франц Фердинанд по просьбе императора приступил к исполнению ряда государственных обязанностей и что ему было разрешено использовать великолепный дворец Бельведер в Вене, а его личный штат также переселился в новую резиденцию.

Несмотря на произошедшие изменения, Франц Фердинанд так и не получил титул наследного принца. Всем было понятно, что он будет наследовать престол, но казалось, что Франц Иосиф просто не хотел предоставить племяннику титул, который когда-то принадлежал Рудольфу. Когда Франц Фердинанд заводил речь о будущем, Франц Иосиф всегда оставался ему недовольным. Император ненавидел неприятные ситуации и относился без особой симпатии к своему племяннику, чувствуя себя достаточно неловко, когда заходила речь о необходимости обсудить его будущую роль. «Я также, как и вы, – признавался он Францу Фердинанду, – уже давно чувствую необходимость обсудить с вами все вопросы, которые вы поднимаете в своем письме, и многое другое. Я воздерживался от этого, так как вы нездоровы, и это может повредить вашему здоровью, так как наш разговор будет серьезным и не во всем слишком приятным; надеюсь, однако, что это поможет убедить вас, что я хочу только того, что будет лучшим для вас самого, хотя я всегда должен иметь в виду мой долг перед монархией и ответственность за благосостояние нашей семьи».

Император мог бы воспользоваться поддержкой своего племянника. 1898 г. стал свидетелем не только пятидесятой годовщины нахождения Франца Иосифа на троне, но и, как это часто бывало в последние годы правления Габсбургов, катастрофической трагедии. 10 сентября во время прогулки императрицы Елизаветы по берегу Женевского озера итальянский анархист ударом ножа прервал ее затворническую жизнь. «Никто никогда не узнает, – воскликнул Франц Иосиф в отчаянии, – как сильно я ее любил!» Отношения Франца Фердинанда и его тети всегда были очень теплыми и омрачались только частыми отлучками ее из Австрии. Ее поддержка оказывала сдерживающее влияние на императора, и, несомненно, ее смерть также сыграла роковую роль в последующие бурные годы.

Франц Фердинанд, как и его дядя, уже привык к случавшимся трагедиям. Потеряв мать, отца, любимого кузена и понимавшую его тетю, теперь он отдалился и от Отто. Во время своей болезни он узнал, что его младший брат представлял его состояние еще более плохим и издевался над ним на публике. Это знание наполнило его «большой горечью». Временами он казался всеми брошенным на произвол судьбы. Эрцгерцог также представлял для всех загадку. Не обладая изысканными манерами императора или шармом своего брата-красавца, он казался людям серьезным и странно отчужденным от всего человеком. Никто полностью не понимал эрцгерцога. Приятные любезности сочетались у него с внезапными вспышками эмоций, и он не мог скрыть своего презрения к тем, кого считал дураками или подхалимами. Болезнь и лечение укротили его гнев. Во время болезни он был списан и отодвинут на второй план и против него плелись заговоры, что сделало Франца Фердинанда постоянно подозрительным. «Вначале вам кажется, что каждый человек – это ангел, – объяснял он одному человеку, – но потом вы приобретаете печальное понимание обратного. Я же теперь подозреваю в каждом, с кем встречаюсь, подлеца. Со временем он сможет доказать мне, что я могу быть о нем лучшего мнения».

Слухи становились все более дикими. Некоторые люди подозревали эрцгерцога в том, что он, как и его покойный двоюродный брат Рудольф, был противником консервативной политики императора; в то же время многие были убеждены в том, что Франц Фердинанд являлся недалеким реакционером. Этот загадочный эрцгерцог словно бы вызывал и страх, и надежду в своих будущих подданных. Но он был настолько таинственным, что никто не мог утверждать, что знал о нем правду. Единственное, что представлялось людям несомненным, это то, что эрцгерцог был жестким человеком, словно бы напрочь лишенным всех обычных

человеческих эмоций. Но вскоре это убеждение было разрушено. Общественность с изумлением узнала, что их эрцгерцог на самом деле, по-видимому, сентиментален, а роком ему было суждено оказаться в центре романа, потрясшего самые основы монархии Габсбургов.

Глава III

РОМАН

«Пусть другие воюют, – было неофициальным девизом империи, – счастливая Австрия празднует свадьбы!» К ужасу императорской семьи, Франц Фердинанд демонстративно избегал брака. Его сестра Маргарита София уже пятнадцать лет как была замужем за Альбрехтом, герцогом Вюртембергским, даже Отто имел жену и двух сыновей. Но в 1899 г. тридцатипятилетний наследник престола был по-прежнему одинок.

«С именем эрцгерцога всегда связывалась определенная романтика, – утверждает летописец середины века, – в связи с его сопротивлением всем попыткам его родственников и членов австрийского правительства женить его на какой-нибудь принцессе». Некоторые слухи ошибочно утверждали, что он был влюблен во вдову Рудольфа Стефанию; говорили еще, что из попыток некрасивой принцессы Матильды Саксонской сделать его своим мужем ничего не вышло. Усилия, предпринятые прекрасной принцессой Еленой Орлеанской, дочерью графа Парижского, оказались более результативными. «Если ему доводилось видеть принцессу Елену Орлеанскую, ее физические и моральные качества не могли не волновать его сердце», – утверждал один дипломат. Но Франц Фердинанд оставался непоколебимым.

Барон Альберт фон Маргутти (*Albert von Margutti*), один из адъютантов императора, считал, что эрцгерцог думал жениться на одной из трех дочерей принца Уэльского. Имел ли он в виду Викторию, среднюю дочь, или Мод, младшую, – неизвестно, но это предположение привело к серьезным обсуждениям. Позднее, в январе 1900 г., могущественный и честолюбивый русский великий князь Владимир обдумывал идею выдать свою единственную дочь Елену за будущего императора Австро-Венгрии.

Франц Фердинанд не обладал возможностью выбрать себе супругу по собственному желанию. Как член Императорского дома, он должен был повиноваться положениям Семейного закона 1839 г. Его невеста должна была быть католичкой и равного ему ранга; он также должен был получить от императора разрешение на брак. Невыполнение этих требований означало бы изгнание из династии и потерю прав собственности и доходов. Он мог выбрать невесту из любой католической королевской семьи как из Баварии, Испании, Бельгии или Португалии, так и из какого-либо одного из многочисленных немецких протестантских царствующих домов, при условии, что невеста примет его веру. Он даже мог остановить выбор своей избранницы на одном из ранее правящих домов аннексированных стран, разбросанных по всей Европе и признанных равными по положению для брака в 1815 г. актом Германской конфедерации или постановлением 1825 г. императора Австрии Франца I. Традиционные правила строго соблюдались. «Если я однажды кого-то полюблю, – как-то сказал Франц Фердинанд, – то некоторые мелочи в ее семейном древе обязательно будут обнаружены. Поэтому речь может идти только о варианте, в котором мужа и жену будут связывать двадцать общих предков. В результате получается, что половина будущих детей идиоты!»

Эрцгерцога пугала не сама идея брака. Еще в 1888 г., обращаясь к своему кузену Рудольфу, он с легкой иронией писал, что «принял твердое решение, так как это единственная возможность стать уважаемым членом нашей семьи и вести приятную и беззаботную жизнь», – попросить руки той или иной принцессы, или, как он говорил, «завести восковую куклу». «Конечно, уже действительно пора», – согласился он уже позднее подумать о женитьбе, но реальных шагов так и не предпринял. Своему доверенному лицу, графине Норе Фуггер, он признался, что ему хотелось бы «спокойной жизни, уютного дома и семьи» и добавил: «Но я задам вам важный вопрос: кого мне взять замуж? Ведь никого нет. Вы говорите, графиня, что я должен иметь жену, которая была бы умной, красивой и доброй.

Это все, конечно, хорошо, но скажите мне, где и как мне найти такую женщину? К сожалению, среди принцесс на выданье не из кого выбирать; все они еще цыплята, девочки шестнадцати-восемнадцати лет, и одна уродливее другой. А я уже слишком стар и не имею ни времени, ни желания обучать мою собственную жену. Я могу себе легко представить идеал той женщины, которая мне нужна, с кем я хотел бы быть и которая тоже была бы со мной счастлива: она не должна быть слишком юной, а ее характер и взгляды на жизнь должны быть устоявшимися и зрелыми. Но я не знаю ни одной подобной принцессы».

Возможно, он действительно не знал такой принцессы, но в тот момент, когда Франц Фердинанд писал это письмо, нашлась та, которая практически во всем соответствовала этим требованиям. Она, как и Нора Фуггер, была аристократкой, женщиной зрелого возраста и тонкой души, графиней, далекой от мелких разборок императорского двора. София Хотек вела свою родословную от средневековых чешских лордов, сыгравших значимую роль в истории страны. Были даже пересечения с родом Габсбургов, через тринадцатый век и герцога Альберта IV; через другие браки ее семья была связана с прусской династией Гогенцоллернов, королевским домом Бадена и принцами Лихтенштейна. После Гуситских войн Хотеки, в отличие от многих своих соотечественников, остались верными католиками и доказали свою преданность престолу Габсбургов: в награду два ее предка были возведены в рыцари престижного австрийского ордена Золотого руна. С 1556 г. Хотеки были баронами Богемии, с 1723 г. – графами Богемии, с 1745 г. – графами империи. Как представители высших слоев чешского дворянства, семья Хотек занимала видное положение среди аристократической элиты страны, а ее представители занимали посты губернаторов провинций и министров при императрице Марии Терезии и были придворными императора Иосифа II.

На первый взгляд все выглядело очень перспективным. София Хотек могла похвастаться не только шестнадцатью поколениями благородных предков, которые требовались традицией, но и тридцатью двумя подряд поколениями предков аристократического происхождения. Но, несмотря на всех уважаемых предков, Софии не хватало одной вещи, чтобы выйти замуж за Габсбурга, – равного статуса. Хотя в ее семье были бароны, графы, придворные и дипломаты, но она никогда не рассматривалась как равноценный вариант для брака. И не было какого-либо способа решить эту проблему. Но потеряв голову от любовной романтики, Франц Фердинанд целиком погрузился в собственную сказку.

Многое в Золушке Франца Фердинанда действительно очаровывало. Обворожительная и красивая София Хотек была космополитом, отлично образованной, умной и жизнерадостной. Хотя, конечно, титулы и знатные предки не смогли ее оградить от некоторых неприятных реалий жизни. Ни одна хорошая сказка не обходится без трудностей и сомнений молодости, и Софии также не удалось этого миновать. Богатство и привилегии окружали ее деда, графа Карла Хотека. Он был дипломатом при императоре Франце I, занимал посты губернатора Моравии, губернатора Тироля и министра полиции Богемии. Но после его смерти в 1868 г. его состояние и недвижимость в Гросспрейсене (*Grosspriesen*) (ныне Брезно) перешли к его старшим наследникам по мужской линии; как второй сын отец Софии, граф Богуслав, унаследовал только небольшое имение в Цивитце (*Ciwitz*). В 1848 г., в возрасте восемнадцати лет, он последовал по стопам своего отца и пошел на дипломатическую службу в качестве атташе при австрийском посольстве в Дрездене. Спустя десять лет в 1859 г. у него появилась молодая жена, графиня Вильгельмина Кински фон Веченитс. Богуслав был маленького роста и достаточно невзрачным на вид, а его девятнадцатилетняя жена, известная как Минцы (*Mintzy*), славилась своей красотой и происходила из одной из самых уважаемых семей богемской аристократии. Кински гордились долгой историей императорской службы и меценатства искусств, а среди своих подопечных называли Людвига ван Бетховена.

Роль дипломата не располагала к оседлости и требовала постоянных разъездов. Передышка случилась в 1871 г., когда граф Богуслав был назначен губернатором Праги. В течение двух месяцев его семья жила в генерал-губернаторском дворце, у подножия огромного замка Градчаны. Этот период окончился после того, как правительство было расформировано после яростных диспутов о статусе Богемии в составе империи. Дипломатические поручения бросали Богуслава из Дрездена в Мадрид, из Санкт-Петербурга в Брюссель. Весной 1868 г. в Штутгарте он получил свой первый самостоятельный пост в качестве австрийского посла при королевском дворе Вюртембергов. Именно здесь 1 марта у супружеской четы родилась дочь, которая получила имя София-Мария-Йозефина-Альбина, графиня Хотек фон Хотков унд Вогнин. Родители звали ее Зоферль (*Sopherl*), она присоединилась к восьмилетнему брату Вольфгангу и сестрам – Зденке, Марии Пиа и Каролине (семи, пяти и трех лет). Потом у супружеской пары были еще дети: Тереза, умершая во младенчестве в 1871 г., Октавия, родившаяся в 1873 г., в 1874 г. – Антония и в 1880 г. – Генриетта.

Графиня София Хотек

Они были любящей и хранящей друг другу верность парой. Дети в их семье получили достаточно простое образование по причине небольших финансовых возможностей. Граф Богуслав не унаследовал состояние своего отца; его богемская недвижимость в Цивитце была хорошим местом, дарящим приятные воспоминания, но не источником доходов. В свою очередь, Вильгельмина также не могла похвастаться богатым приданым. Графу приходилось полностью полагаться на свою зарплату дипломата, но вознаграждение за работу атташе и секретаря было небольшим. Австрийское правительство экономило на зарплате собственных дипломатов, которые получали гораздо меньше своих европейских коллег. Его посольское жалованье составляло 23 600 гульденов (\$236 000 на 2014 г.). Эти деньги выделялись на официальные расходы и различные мероприятия, проводимые посольством от

имени Австро-Венгерской империи, и не могли использоваться на потребности его семьи. В большинстве случаев это не было проблемой, так как послы обычно происходили из рядов знатных аристократов и обладали собственным крупным состоянием. Но для Богуслава при отсутствии таких доходов это означало то, что он мог рассчитывать только на свою зарплату в 6300 гульденов (около \$63 000 на 2014 г.), чтобы содержать своих восьмерых детей. Жизнь в качестве посла в Мадриде оказалась такой дорогой, что через несколько месяцев граф был вынужден попросить перевода в менее дорогой Брюссель, и даже тогда он был вынужден занимать деньги у банка. В некотором смысле молодая София представляла собой классический образ: красивая и небогатая девушка, ожидающая своего спасителя. Богуслав не обладал талантом к экономии денег и порой тратил их так широко, что его семья временами оставалась буквально без средств. Говорить о роскоши не приходилось, слуг было мало, платья девочек были достаточно простыми, и София со своими братьями и сестрами в поездках по городу пользовались трамваем, чтобы сэкономить деньги.

Насколько шаткими были надежды на обеспеченное будущее, настолько же блистательными были дипломатические таланты Богуслава. В Брюсселе граф был очень популярным послом, а его жена водила дружбу с супругой короля Леопольда, королевой Марией Генриеттой (в честь которой супруги назвали свою младшую дочь). Но их надежды, казалось, стали сбываться, когда стало известно, что наследный принц Рудольф ищет себе невесту. Кто мог подходить на эту роль лучше, чем их пятнадцатилетняя дочь Стефания? Она была молода, не лишена приятности и католичка; с королевского соизволения Богуслав представил ее Рудольфу в Брюсселе. Граф и его жена вместе со своими двумя старшими дочерьми приняли участие в частном королевском завтраке в Лакенском дворце. На завтраке Рудольф смог познакомиться с предложенной ему невестой. Софии было тогда только тринадцать лет, и по молодости она не могла там присутствовать. Наследный принц, уступая желанию своего отца, согласился на помолвку. Богуслав видел большие выгоды в заключении этого союза: титул князя, источник финансов и более высокое положение в обществе. Но этому не суждено было осуществиться: когда заключение брака Рудольфа и Стефании не состоялось, вместе с этим рухнули и все эти надежды.

Финансовые затруднения вынуждали семью переехать из Брюсселя в Дрезден. Саксонский двор был менее требователен к экстравагантному блеску, а город – более дешевым для скудных средств дипломата. Только сын Вольфганг пошел на гражданскую службу; Зденка получила место фрейлины при наследной принцессе Стефании в Вене; Каролина вышла замуж за графа Леопольда Ностиц-Ринека в 1886 г., а в следующем году Мария Пиа вышла замуж за графа Ярослава Тун унд Хоэнштайна. Но дома оставались еще четыре маленькие дочки, и новые обязанности свалились на Софию, когда в июне 1888 г. умерла ее мать. Когда дипломатическая карьера Богуслава закончилась, вместо того чтобы вернуться в Австрию, он остался в Дрездене. Здесь он мог протянуть дольше на положенную ему пенсию, нежели на родной земле.

Необходимость постоянно экономить оказала влияние на мир Софии. Она путешествовала по всей Европе с ее блестящими столицами и видела, как ее родители общались с принцами и королями, но и возможностей для отдыха было не много. Она обожала музыку, играла на цимбалах и была талантливой пианисткой. Ей очень хотелось посещать театр и оперу, но отсутствие денег часто исключало такое расточительство. Жизнь в обществе также была очень сложной. Предки Хотеки и Кински открыли дверь в аристократическое общество, но знатные ужины, блистающие балы, изысканные встречи за чаем и вечера были просто слишком дороги для Софии и ее братьев и сестер. Так как ее родителям было не по карману вести такую светскую жизнь, соответственно и их дети редко попадали на эти мероприятия. Вена, с ее жесткой социальной градацией и множась слухами, не была для них гостеприимным местом. Один придворный вспоминал, как однажды София и ее сестры, только прибыв

в город, сразу же стали темой для обсуждения злых венских языков. Они прибыли одни, без прислуги, и люди заметили, что их туфли были подшиты ниткой.

В двадцать лет София превратилась в миловидную молодую женщину, высокую и стройную, ее темные пышные волосы были уложены спиралью на голове, а челка обрамляла выразительные карие глаза. Она была, скорее, элегантной, чем симпатичной, скорее, величественной, нежели красивой. Облик Софии излучал изящество, спокойствие и достоинство. Она была не только хорошо образованна благодаря обычным урокам истории, литературы, математики, религии и науки, но и разбиралась в политике, что было заслугой ее отца. Она могла общаться на немецком, английском и французском языках и немного неуверенно на чешском; неплохо танцевала, рисовала, ездила верхом и играла в теннис. Умная и обаятельная, скромная и «очень приветливая», она была простой в общении и застенчивой, обладала каким-то детским оптимизмом и озорным чувством юмора, что расположило к ней всех ее племянников и племянниц.

Но достоинства Софии не могли перевесить реалии жизни. Она могла привлечь внимание и выйти замуж лишь за второстепенного аристократа, а ее отец не мог заманить потенциальных женихов богатым приданым. До тех пор пока на пути Софии не встретилась любовь, у нее было лишь два приемлемых варианта жизни вне дома ее отца: обедневшие дамы аристократического рода могли пойти в монастырь и стать монахинями или поступить на службу в качестве гувернантки или фрейлины. Хотя София и была глубоко религиозной девушкой, но ей было еще слишком рано отказываться от надежд на достойный брак. Но она идеально соответствовала требованиям, предъявляемым к придворной даме или фрейлине. При Австрийском дворе это место занимали не только пожилые аристократки, но и достаточно молодые, незамужние дамы благородного происхождения, обученные тонкостям этикета, приятной наружности, владеющие языками и прежде всего умеющие быть почтительными. После наведения справок в Вене выяснилось, что супруге эрцгерцога Фридриха требуется еще одна фрейлина. София вступила в переписку с графиней Симон Вимпфен (*Simon Wimpffen*), которая была обергофмейстериной Изабеллы, заведовала домашним хозяйством, и в короткий срок София была утверждена как подходящая фрейлина для юной графини. 10 августа 1888 г. София поступила на службу к графине в качестве придворной дамы.

Грозная и полная принцесса Изабелла фон Крой (*Isabella of Croy*) вышла замуж за эрцгерцога Фридриха в 1878 г. и родила, к его ужасу, восемь дочерей подряд; пока наконец в 1897 г. не произвела ему сына. В сказке Франца Фердинанда и Софии она играет роль злой мачехи. Честолюбие и чувство собственной неполноценности Изабеллы привели к плачевным результатам: она была «самолюбивой» и похожей на не признающего своей вины сноба. «Служить у ней было очень нелегко», – как признавалась одна из ее фрейлин. Даже ее собственный муж Фридрих считал ее непредсказуемой и при каждой возможности сбегал от ее вулканического характера на полковые учения, предпочитая сержантов-инструкторов по строевой подготовке той, которая правила в его доме.

Жизнь с властной герцогиней, как вскоре убедилась София на собственном опыте, была действительно непростой. Хотя и безмерно богатая, Изабелла опускалась до такой низости, что во время своих отъездов использовала труд своих фрейлин для черной работы по дому, чтобы не платить служанкам. Сообщалось, что в эту работу входили даже «определенные услуги сомнительного содержания», которые обычно выполняют простые смиренные горничные, такие как, например, вынос ночных горшков. Она также устраивала унизительные шоу, даря что-то из своей одежды стройным и молодым фрейлинам, прекрасно понимая, как те будут выглядеть в платьях ее размера. С присущей ей резкостью эрцгерцогиня требовала многого и игнорировала даже малейшие просьбы: София вела корреспонденцию, сопровождала свою хозяйку на прогулках, составляла ей пару для игры в теннис и

никогда не высказывала никаких претензий. Она могла быть полноправной аристократкой со своими привилегиями, но в доме Изабеллы она была только работником и слугой, – этого Софии никогда не давали забывать.

Но случилось так, что именно амбиции Изабеллы привели к возникновению неожиданного романа между Францем Фердинандом и Софией Хотек. Две сестры Фридриха были королевами Баварии и Испании, а в 1895 г. к нему перешел по наследству титул герцога Тешенского и вместе с ним огромное состояние. Обладая деньгами, влиянием и рядом великолепных дворцов, Изабелла остановила свой взгляд на еще холостом Франце Фердинанде. Какой приз в империи мог быть выше этого? И кто лучше подходит на роль будущей императрицы, нежели ее дочь Мария Кристина? И в середине 1890-х к эрцгерцогу полетели приглашения. Во время одного из его посещений семьи Фридриха и Изабеллы при осмотре основного дома и охотничьих домиков он и должен был, как планировала Изабелла, заметить юную Марию Кристину, обладающую неотразимым обаянием и безупречными манерами.

К сожалению, по-прежнему остается загадкой, когда именно Франц Фердинанд встретил Софию. Их дочь никогда не спрашивала об этом; много лет спустя их старший сын Макс уничтожил почти всю частную переписку его родителей, и ни эрцгерцог, ни графиня не вели постоянных дневников. Они могли встретиться и случайно, так как в то время эрцгерцог часто охотился вместе с ее зятем Ярославом Тюном. Но первое неоспоримое доказательство мы находим на страницах фотоальбомов Изабеллы. На одной из фотографий конца 1892-го или начала 1893 г. изображены Франц Фердинанд и София во время одной из охот. На протяжении последующих лет они с удовольствием позировали перед камерой на охотах, на теннисных кортах и во время посещений эрцгерцогом дворца Тешенских Фелторонь в Пресбурге (*Teschen Palace of Feltorony at Pressburg*) (сейчас Братислава). С каждой встречей их симпатия друг к другу все больше росла. Для Франца Фердинанда встречи с Софией представляли собой передышку, возможность вырваться из имперской жизни. Она рассуждала очень разумно и могла высказывать зрелые взгляды на политические и международные вопросы, уместно шутила и льстила герцогу своей заинтересованностью. Находясь в хорошей компании и вдали от суровой общественной жизни, эрцгерцог мог быть очаровательным; еще молодой и достаточно красивый, в блеске своего наследия, он легко мог представиться Софии ее сказочным принцем.

Как и в каждой хорошей сказке, роман Франца Фердинанда и Софии расцвел на балу, где принц наконец-то разглядел свою настоящую любовь. Легенда относит это событие к их танцу на балу 1894 г. в Праге. Неотразимый в своем военном мундире, Франц Фердинанд подошел к молодой и красивой Софии с приглашением на танец. Она низко опустила перед ним в реверансе, а поднимая глаза, встретила с пронизательным взглядом его красивых, бархатных глаз. Он повсюду следовал за ней по бальному залу в стиле рококо, что-то рассказывал, танцевал с ней каждый танец под удивленными взглядами гостей. Франц Фердинанд не любил торжественные мероприятия, когда множество глаз следило за каждым его движением, не любил танцевать на людях. Но в эту ночь он забыл о своей осторожности. Эрцгерцог ни на минуту не оставлял графиню, подносил ей шампанское, что-то шептал, даже обменивался с ней частыми шутками, – таким было неожиданное проявление эмоций со стороны человека, которого считали устойчивым и равнодушным к женским прелестям. Под светом мерцающих свечей и воздухом, наполненным ароматом тысячи роз, распустился их роман.

Эта легенда захватывает и завораживает. Хотя она, конечно, больше для романтиков и немного приукрашена. Но в каждой сказке есть доля истины. Золушка действительно была на балу, и там к ней на самом деле подошел ее сказочный принц и танцевал с ней, а их роман стал замечен многим. Был апрель 1894 г., когда Франц Фердинанд и София пришли на бал-маскарад во дворце Лариш (*Larisch Palace*) в Вене. Эрцгерцог позднее делился с Софией

воспоминаниями: «Наш бал был неистовым, словно дервиш, и действительно великолепным». В переполненном бальном зале один танец сменял другой, а благодаря маскам сплетники, похоже, не находили пищи для разговоров. Последовала переписка. В апреле эрцгерцог еще обращался к Софии с помощью формального немецкого *Sie* («Вы»), но к концу лета она уже стала «Дорогая София». По всей видимости, он признался в своем романе брату Отто. В том же году, позднее, Отто нарисовал шарж на Софию и подарил ему; София получила этот рисунок от Франца Фердинанда.

В начале 1895 г. Франц Фердинанд страдал от туберкулеза и был окружен вниманием Айзенменгера. Доктор заметил, что его императорский пациент проводит часы за написанием загадочных писем и каждое утро с нетерпением ждет новую почту. «Даже небольшая задержка корреспонденции начинала волновать его, и является несомненным, что от этих писем напрямую зависело его настроение», – рассказывал он. Айзенменгер не знал, что письма были от Софии. Переписка продолжалась, и когда эрцгерцог отправился в Египет. Они встретились снова в мае 1896 г., хотя и только формально, когда София сопровождала Изабеллу в Вене на похоронах Карла Людвига.

Прошло шесть лет с того момента, как Франц Фердинанд встретил свою богемскую графиню. Их роман развивался, по-видимому, достаточно безобидно и оставался незамеченным в доме Фридриха и Изабеллы. Франц Фердинанд был внимателен, общителен и, казалось, полностью счастлив в кругу их семьи, но на самом деле он использовал все возможности, чтобы быть рядом со своей графиней. Амбициозная графиня была само радушие, называя эрцгерцога «Дорогой Франци», и продолжала тайно мечтать о нем как о своем зяте. «Мне было очень приятно узнать о том, что ваше здоровье улучшается, как говорят со всех сторон, – писала она. – Видимо, был лишь небольшой рецидив вашей болезни. Я надеюсь, что теперь вы чувствуете себя достаточно хорошо? Это делает меня очень счастливой, как и некоторые другие новости. Могу ли я вас попросить что-нибудь написать мне в ответ?»

Когда 1896 г. подошел к концу, София стала еще более доступной для ее обожателя герцога. После окончания дипломатической службы здоровье ее отца графа Богуслава стало стремительно ухудшаться; в октябре 1896 г. он умер в частной клинике в Гёрлице; его тело возвратили на родину для захоронения в *Waltirsche*, рядом с семейным поместьем в Grosspriesen. Ее сестра Антония была замужем за бароном Адамом фон Вюртенау (*Adam von Wurthenau*), но Октавия и Генриетта оставались дома и оказались сейчас без средств к существованию. София помогала им как могла, но основное финансовое бремя легло на плечи ее брата Вольфганга. Оказавшись не в состоянии содержать их на свой скромный оклад государственного служащего, он обратился в Императорское Министерство иностранных дел «с просьбой о милосердии» от их имени. Ему было предоставлено на их содержание 1200 крон (около \$6000 в пересчете на 2014 г.) в год.

Какой представлялась София, оказавшаяся в такой ситуации, растревоженному воображению Франца Фердинанда? София приняла образ идеальной героини: сирота, оказавшаяся во власти Изабеллы, «злой мачехи», графиня без понятного будущего. Возможно, что для Франца Фердинанда, в свете рыцарских взглядов, София казалась тревожно хрупким, нуждающимся в защите существом. Его растущая любовь соответствовала чувствам сказочного принца этой истории. И по всей видимости, это была настоящая любовь. В эти годы эрцгерцог по-прежнему страдал от туберкулеза, но София рискнула всем, ставя свое будущее на его выздоровление. Она ждала этого, не зная, что будет делать, если в один из дней ей скажут, что Франц Фердинанд окончательно поддался болезни. Даже если этого не случится – был ли шанс, что он когда-нибудь сможет жениться на ней? Как бы она поступила, если бы в ее жизни появился другой молодой человек, готовый жениться на ней и обеспечить ее будущее? Но если бы это произошло, похоже, что она отвергла бы его. Вся ее будущая жизнь

была в руках эрцгерцога. Но София оставалась решительной и смелой, продолжая надеяться вопреки всему, и каким-то непостижимым образом судьба улыбнулась их роману.

Франц Фердинанд продолжал свои визиты во дворец Тешенских, но Изабелла была не дура. Она хотела, чтобы эрцгерцог женился на ее дочери, но видела, что того привлекала графиня. Она использовала Софию в качестве приманки, чтобы заманить его в круг своей семьи. «Там будет и графиня Хотек», – добавляла она к своему письму, приглашающему эрцгерцога на охоту. В ее письмах к Францу Фердинанду имя графини встречалось постоянно, она хвалила ее за усердную службу или за внимательность, когда та как-то одаривала шоколадом прибывших с визитом чиновников. Она даже брала с собой Софию, когда отправлялась на осмотр богемского замка Конопишт, принадлежащего эрцгерцогу.

Неужели хитрая эрцгерцогиня не видела, что происходило между ее фрейлиной и желаемым зятем? Безусловно, она была в курсе его чувств к графине и цинично использовала ее присутствие для достижения личных целей. По всей видимости, она считала, что эрцгерцог хотел иметь Софию в качестве своей любовницы. Такое было вполне терпимо и даже распространено. А возможно, она считала, что это лишь временное увлечение и скоро эрцгерцог опомнится и признает ее дочь Марию Кристину в качестве своей супруги. Изабелла не видела ничего необычного в таком циничном подходе к будущему счастью своей дочери. Она все поняла уже слишком поздно. Как писала София: «Она поняла, что все это было гораздо серьезнее».

Неизвестно, что думала Изабелла, но Франц Фердинанд продолжал действовать. В 1898 г. он послал Софии открытку с изображением дворца Бельведер, а на обороте написал: «Картина нашего дома в Вене». Никто этого не заметил, и игры Изабеллы продолжались по крайней мере до того рокового дня в апреле 1899 г., когда эрцгерцог в очередной раз посетил дворец Тешенских в Прессбурге. После этого визита он случайно оставил там некоторые из своих вещей, и среди них карманные часы. Слуга передал забытое Изабелле. Изабелла, думая, что может найти внутри часов изображение своей дочери, открыла их и обнаружила портрет Софии.

Что произошло дальше, осталось до конца не ясным. По одной из версий, Изабелла собрала всех своих слуг и устроила яростный разнос Софии в присутствии испуганной и смущенной аудитории. В конце этой резкой обличительной речи она объявила об увольнении Софии, и ей пришлось так быстро покинуть ее дом, что она даже не успела собрать все свои вещи. На самом деле эта ситуация назревала в течение уже определенного времени. С каждым годом Изабелла все больше понимала, что интерес эрцгерцога к графине был не мимолетным увлечением, а намного большим. Открытие часов просто могло стать той соломинкой, которая сломала спину верблюду, рухнувшими надеждами и растаявшими заблуждениями. В конце концов не так важно, что стало толчком, заставившим Софию покинуть дом Тешенских: 23 апреля 1899 г. она подала прошение об отставке с должности придворной дамы.

София, по всей видимости, бежала в Вену к своей сестре; есть также версия, что ей пришлось скрываться в монастыре, хотя это представляется сомнительным. Правда, известно, что она так расстроила в Дрездене свою сестру Марию, что, возможно, ей и вправду пришлось искать временное пристанище в монастыре. Ее правнучка принцесса Анита высказала мнение, что такой поступок действительно мог иметь место, так как это было в характере Софии и графиня могла искать духовного руководства и молиться о сложившейся в ее жизни ситуации. Все произошедшее в результате взрыва неконтролируемой ярости Изабеллы и все вознесенные молитвы вылились в то, что сами Франц Фердинанд и София не могли и предположить.

Глава IV

«ТРИУМФ ЛЮБВИ»

Разъяренная Изабелла бросилась к Францу Иосифу с жалобами на недопустимое поведение Франца Фердинанда. Она истерически настаивала, что он сделал идиотов из ее семьи и унизил ее старшую дочь своим скандальным романом с ее фрейлиной. За праведным гневом Изабеллы скрывались ее циничное поведение и хорошее понимание ситуации: эрцгерцог никогда не подавал никаких признаков романтической заинтересованности Марией Кристиной. Но Изабелла утвердилась в своем желании увидеть Франца Фердинанда наказанным, а Софию униженной. Франц Иосиф с неохотой, но все же согласился поговорить с племянником. Этот разговор между ними не походил на какое-то противостояние. Скорее всего Франц Иосиф рассматривал это происшествие как не более чем мимолетную связь между Францем Фердинандом и податливой графиней, которую император, по всей видимости, воспринимал лишь как любовницу племянника.

Но реальность оказалась отличной от ожиданий. Франц Фердинанд явился к своему дяде и выслушал, как император изложил высказанные Изабеллой жалобы. Такие вещи случались: несколько извинений – и время исцелит старые обиды. Он был потрясен, когда Франц Фердинанд открыл правду: он никогда не давал ни одного повода или намека, что его интересует Мария Кристина, и поэтому нет необходимости извиняться. Но теперь, когда император узнал о графине Хотек, он уже может узнать и то, что эрцгерцог полюбил ее и собирался на ней жениться. «Нет! – говорят, воскликнул император в ужасе. – Такой брак невозможен! Я никогда не соглашусь на него!» Франц Фердинанд оставался непреклонен, утверждая, что он уже объявил о своем намерении графине и собирается выполнить свое обещание. Ошеломленный, император дал своему племяннику неделю, чтобы тот еще раз хорошенько все обдумал, и отпустил его.

Франц Фердинанд и София Хотек

«Любовь заставляет людей терять всякое чувство собственного достоинства», – жаловался Франц Иосиф. Прошла неделя, Франц Фердинанд вернулся еще более решительным в своих намерениях, чем прежде. Такой брак, предупредил его император, нанесет вред стране и трону. На кону стояли престиж династии и многолетняя традиция, и это не могло быть потеряно из-за глупой романтики. Но Франц Фердинанд был настроен решительно: он не собирался отказываться от Софии. Франц Иосиф был невосприимчив к таким сентиментальным доводам и выложил свой козырь: Хотеки не имели права на брак с Габсбургами. Ни акт Германской конфедерации 1815 г., ни фамильные статусы Габсбургов не признавали Хотек-ков равными по положению. Брак между Францем Фердинандом и Софией был бы морганатическим союзом, который не дал бы ей никаких прав, закрывал бы перед графиней двери Императорского Дома и отстранил бы возможных детей от вероятности правопреємства.

Морганатические браки случались и раньше. В 1869 г. король Италии Виктор Эммануил II женился на своей любовнице, Розе Верселлане, и сделал ее графиней Мирафиори; царь Александр II взял в жены княгиню Екатерину Долгорукую спустя месяц после смерти своей жены в 1880 г. В 1891 г. во время нахождения Великого князя Михаила Михайловича в Англии был заключен морганатический брак с Софьей фон Меренберг. Подобное случалось и среди Габсбургов. В 1829 г. эрцгерцог Иоганн женился на Анне Плехль, дочери почтмейстера, а эрцгерцог Генрих – на певице Франца Иосифа и сделал ее баронессой.

Но как верно заметил один историк, морганатический брак «расценивался немногим больше чем смертный грех. Простые принцессы, которые при ином раскладе могли считать себя удачливыми, если просто могли найти мужа, – становились королевами. Брак вне пре-

делов золотого частокола королевского двора считался катастрофой». Даже сама мысль о подобном была невозможной для будущего императора. В конце концов Франц Иосиф дал своему племяннику год на то, чтобы тот взвесил все вероятные последствия. Решение императора было негласным, но кристально ясным. Франц Фердинанд не имел права пойти на морганатический брак и оставить трон без наследника. Если он выбирал Софию – он терял свое место в Императорском доме, титул эрцгерцога, доходы и свою страну.

Эрцгерцог не собирался сдаваться так легко. Он не хотел оставлять Софию, как не хотел и отказываться от своего места наследника престола. Непостижимое и божественное провидение сделало его наследником: отказаться от него было подобно тому, как оспорить саму Божью мудрость. Поэтому он выбирал и Софию, и трон. Любопытный разговор, в котором видна вся решимость эрцгерцога, состоялся у него с Айзенменгером. Беспокоясь о своей болезни и желая быть уверенным в том, что он достаточно здоров для того, чтобы жениться, и не передаст своей болезни будущим детям, он загнал доктора в угол и потребовал его заверений. Затем, не называя имени Софии, он признался врачу: «Я наконец-то нашел женщину, которую я полюбил и которая идеально подходит для меня. А они создают теперь непреодолимые трудности из-за пустякового дефекта в ее генеалогическом древе. Однако я это преодолению».

«Пустяковый дефект». Но он не казался таким ни императору, ни обергофмейстеру принца Альфреда де Монтенуово, ни лорду верховному камергеру двора Франца Иосифа. Ирония состояла в том, что сам Монтенуово появился на свет в результате морганатического союза. Его бабушка, эрцгерцогиня Мария-Луиза Австрийская, вышла замуж за Наполеона после того, как тот развелся с императрицей Жозефиной; когда бывший французский император был сослан на остров Святой Елены, Мария-Луиза осталась в Европе, в объятиях камергера графа Адама Нейпперга, и, находясь еще в законном браке с Наполеоном, родила внебрачных сына и дочку. После смерти императора она вступила с Нейппергом в морганатический союз и получила от императора Австрии разрешение для своих детей на новый графский титул – Монтенуово. Один из этих детей, принц Вильгельм, приходился Францу Иосифу двоюродным братом, и у него был сорокапятилетний сын Альфред, который был сейчас управляющим Императорским двором в Вене.

Человек с гордым ястребиным аристократическим профилем, Альфред Монтенуово никогда не забывал, что он был правнуком австрийского императора; он никогда не мог забыть, что его отец появился на свет в результате любовного приключения и неравного брака. Он ответил этому комплексу неполноценности тем, что стал главным снобом страны, человеком, даже более исключительным, чем Габсбурги, в своем социальном окружении, и фигурой, жестко настаивающей на твердом соблюдении всех традиций и норм придворного этикета. Он испытывал гордость и удовлетворение, зная, как его не любят и презирают. Фаворитка Франца Иосифа Катарина Шратт ненавидела его, как и младшая дочь императора Мария Валерия, наряду со многими другими членами королевской семьи. Придворные ненавидели его, слуги находили его заносчивым, а в обществе его боялись. Монтенуово был таким снобом, что, даже несмотря на его брак с известной графиней Франциской Кински (дальней родственницей Софии), его огромное состояние и великолепный Венский дворец, он продолжал жить как скряга, никого у себя не принимая и оставаясь вне австрийского аристократического общества.

Теперь с благословения императора Монтенуово сочинил письмо к Софии. Он начал его с попытки очаровать ее, льстиво рассказывая о том, что он прекрасно понимал, как было бы несладко эрцгерцогу в жизни, если бы она покинула его. Как лояльная подданная императора она, конечно же, понимала, что морганатический брак повредит престижу императорского трона. Такой союз мог бы повредить эрцгерцогу и ввергнуть страну в хаос, и все это только ради удовлетворения собственных стремлений. Разве она не видела невозможность

такого варианта? И сейчас было бы правильнее забыть о романтике и освободить эрцгерцога от данного им обещания, поставив благо страны выше личного счастья.

Это первое письмо Монтенуово было достаточно вежливым, но он предпринял и ряд негласных шагов, которые могли гарантировать ему успех. Он также использовал и запугивание, обратившись к семье Софии с просьбой не поддерживать этот брак; ее брат Вольфганг мог бы считать свою дальнейшую карьеру на государственной службе чрезвычайно затруднительной, если этот брак состоится. «Так поступать бесчестно! – взорвался эрцгерцог, когда узнал об этих угрозах. – Я понимаю, когда воздействуют на меня, но не вмешивайте в это мою невесту!»

Когда из этого ничего не вышло, Монтенуово повел себя совсем некрасиво. Он стал говорить о том, что София просто простолюдника и авантюристка, которая осознанно околдовала эрцгерцога, чтобы в один прекрасный день стать императрицей Австрии. Эрцгерцог едва смог сдержать свою ярость, видя, как чернят имя Софии. Графиня – интриганка, изворотливая и коварная, и мещанка от рождения, обладающая скверным характером, не могла вступить в брак с Габсбургом. Объединив свои силы с Изабеллой, он распространял дикие слухи о богемской графине. Они шептались, что она недостойна выйти замуж за эрцгерцога, так как уже разделяла свою постель с другими, и кто знает, сколько других мужчин получили удовольствие от ее милостей? Вскоре вся столица гудела от историй, одна некрасивее другой.

Религия также не осталась в стороне от этой битвы. С благословения императора старый учитель Франца Фердинанда Готфрид Маршалл тоже присоединился к этим интригам: сначала попробовал великодушно заступиться за своего бывшего ученика, говоря, что тому приходится выбирать – трон или графиня. Потом он утверждал, что для императора было бы самой большой ошибкой разрешить такой союз. Когда из этого ничего не вышло, как рассказывает правнучка Софии Хотек, принцесса София, Маршалл обратился к графине, пытаясь использовать свою религиозность против ее «убеждений, веры и верности». Клирик предложил Софии финансовую и духовную взятку: если графиня отказывалась от эрцгерцога, прелат обещал, что император вознаградил бы тогда ее семью, папа римский тоже был бы ей признателен, и она смогла бы быть настоятельницей какого-нибудь монастыря и тем самым исполнить волю Божию. Если она отказывалась, говорил он, это было равносильно сомнению в божественном провидении, которое сделало Франца Фердинанда наследником. Эта тактика сработала: глубоко расстроенная София согласилась на то, что, несмотря на свою любовь к эрцгерцогу, она расстанется с ним.

Франц Фердинанд пришел в бешенство от такого поворота событий. Он убеждал Софию, что непременно женится на ней и что они должны игнорировать любое противодействие. Чтобы избежать будущих конфронтаций, которые уже сказались и на ее сестрах, София покинула Вену, надеясь защитить себя от ненужного внимания и остаться в стороне от центра кризиса. Чтобы продолжать поддерживать контакт, но и защитить свою переписку от глаз нечистоплотных почтовых служащих, она и Франц Фердинанд разработали секретный код для своих писем. Эрцгерцог взял себе псевдоним «граф Гогенберг», который он использовал и раньше, чтобы избежать внимания Габсбургов, а София просит клерков немедленно доставлять ей письма от этого таинственного аристократа.

Эрцгерцогиня Мария Тереза сразу встала на сторону своего пасынка, как и обе его единокровные сестры. Мария Тереза дважды ходила с ними к императору, умоляла об уступках, но прием был менее чем теплым. Франц Иосиф выслушивал свою невестку, но оставался непреклонным, говоря, что никогда не разрешит этот брак. Франц Фердинанд вскоре узнал, что император, Изабелла, Монтенуово, Маршалл и другие успешно настроили его братьев, Отто и Фердинанда Карла, против их любовного романа. Будучи в курсе всех грехов Отто, Франц Фердинанд был ошеломлен, когда его беспутный брат, живший вполне открыто со

своей последней любовницей, лицемерно осудил саму идею его брака с Софией. «Обязанности нашего рода, – настаивал Отто, – лежат вне рамок добра и счастья». И добавлял, что для чести Габсбургов будет немислимым ударом, если его брат «женится на графине». Францу Фердинанду не повезло и с Фердинандом Карлом, который, как попугай, повторял практически то же самое.

Остальные Габсбурги были почти единодушны в своем осуждении. «Я не должен влюбляться в своих слуг», – так озвучил их отношение Франц Фердинанд. Как писал один автор: «Они не могли простить Францу Фердинанду того, что он выбрал себе жену не из их круга». Эрцгерцогиня Изабелла, как говорил один из родственников, «впадала в глубокое расстройство, если речь заходила о графине Хотек». Она объединила свои силы с другими дамами, думающими так же, в том числе с дочерью Рудольфа, эрцгерцогиней Елизаветой, стараясь представить Софию коварной авантюристкой, мечтавшей увидеть себя императрицей.

Пожилой эрцгерцог Райнер отправляет Францу Фердинанду письмо, предупреждая против брака с Софией не по династическим соображениям, а пророча возможные личные трудности, которые могли бы последовать:

«Попробуйте подойти к вашему решению более серьезно и подумайте о последствиях, к которым приведет этот шаг, так как я не верю, что этот союз принесет вам продолжительное счастье. Постоянно видеть неблагополучие возлюбленной жены причинит вам боль, и многие вещи, которые вы надеялись найти в семейном счастье, окажутся совсем иными и станут совершенно невыносимыми. Мысли о долге помогают преодолеть многие стремления, и чем выше человек стоит – тем меньше он может себе позволить отклониться от соблюдения своих обязанностей».

Единственным примечательным исключением из этой оппозиции Габсбургов стала коронованная принцесса Стефания, выразившая симпатию и личное понимание этого вопроса. Весной 1900 г. она боролась за победу в разрешении собственного морганатического брака с камергером двора графом Элемером Лоньяи. Хотя изначально Франц Иосиф пришел в ужас от такого варианта, но впоследствии он смягчил свою позицию и 22 марта 1900 г. дал свое согласие на этот брак. Она сохранила свои австрийские титулы, и ей даже было позволено появляться при императорском дворе, но не со своим морганатическим мужем.

Когда скандал вокруг Франца Фердинанда и Софии стал широко известен, количество их противников и сторонников стало примерно равным. Запретный роман обсуждался по всей Вене; о нем шептались при дворе, студенты выстраивали его возможные последствия в прокуренных кафе, и казалось, что все очарованы этой мелодрамой. Вскоре появились сообщения и в европейских газетах. О любовной истории начали говорить по всему миру. Безусловно, эрцгерцог старался склонить общественное мнение на свою сторону. Рассказывали, что царь Николай II и кайзер Вильгельм II пытались выступить посредниками в этом противостоянии, хотя это представляется сомнительным. Эрцгерцогиня Мария Тереза якобы написала папе Льву XIII, превознося добродетели Софии как набожной католички и подчеркивая, что такой брак только усилит позиции церкви в империи. Как бы ни было на самом деле, но что-то заставило папу действовать, и он теперь утверждал, что продолжение всех этих интриг и сплетен только повредит габсбургскому трону. Накаляющийся конфликт вспыхнул в 1900 г. в Хофбурге во время новогоднего ужина. На глазах всей императорской семьи император поднял бокал, демонстративно обращая свой тост к двенадцатилетнему сыну Отто Карлу, словно бы публично признавая того своим преемником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.